

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ЭЛИС ФИНИ

ТЕМНАЯ ДЕЙЗИ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПОВОРОТЫ СЮЖЕТА В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ АГАТЫ КРИСТИ

Объявлено убийство

Элис Фини

Темная Дейзи

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

Фини Э.

Темная Дейзи / Э. Фини — «Издательство АСТ»,
2021 — (Объявлено убийство)

ISBN 978-5-17-149840-5

Семья, которая много лет избегала друг друга. Бабушка, собравшая их в одном месте, ради своего юбилея. Дом на острове, во время прилива отрезанный от остальной земли на долгие восемь часов. Что может пойти не так? Ровно в полночь одного из членов семьи убивают. Через час – еще одного. До конца прилива остается совсем немного. Всего несколько часов для того, чтобы понять, что за тайны скрывает каждый, и какая из них сейчас важнее всего. Незабываемые повороты сюжета в лучших традициях Агаты Кристи, в новом романе Элис Фини.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149840-5

© Фини Э., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Примечание агента автора	6
Один	7
Два	10
Три	14
Четыре	19
Пять	22
Шесть	25
Семь	29
Восемь	31
Девять	36
Десять	39
Одиннадцать	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Элис Фини

Темная Дейзи

Посвящается Дигги.

Ты исцелил мое сломанное сердце и не раз спасал мне жизнь.

Я всегда буду тебя любить и никогда не перестану скучать.

Alice Feeney
DAISY DARKER

© Diggi Books, Ltd., 2021

© Яновская А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Примечание агента автора

Я получил этот роман как раз после Рождества в прошлом году. Он был обернут коричневой бумагой, перевязанной веревкой, и его лично доставили в мой офис в центре Лондона. Я не знаю, кто. Не было сопроводительного письма или хотя бы записки. Внутри посылки я нашел рукопись. Нынче большинство авторов присылают свои работы по электронной почте, и я не принимаю материалы без предварительного согласования, но от имени на титульной странице у меня перехватило дыхание. Потому что автор этого романа умер некоторое время назад. Я никогда не верил в призраков, но также и не могу предложить рационального объяснения. Я достаточно хорошо знал автора, чтобы понять, что эту книгу не мог написать никто другой. После долгих раздумий я решил, что эта история заслуживает огласки. Издатели этого романа изменили имена некоторых персонажей по юридическим причинам, но не меняли ни слова из истории. Если это история. Признаюсь, у меня есть опасения, что по крайней мере часть того, что вы сейчас прочтете, может быть правдой.

Один

Я родилась со сломанным сердцем.

День, когда я появилась в этом одиноком маленьком мире, стал также датой моей первой смерти. Тогда еще никто не заметил сердечную патологию. В 1975-м все было не таким продвинутым как сейчас, и синюшный оттенок моей кожи списали на травматические роды. Я родилась ногами вперед, что еще больше все усложнило. Усталый доктор сказал моему отцу выбирать между мной и моей матерью, объяснив извиняющимся тоном и лишь с намеком на нетерпение, что он мог спасти только одну из нас. Мой отец, после мимолетного колебания, за которое впоследствии расплачивался всю жизнь, выбрал свою жену. Но акушерка убедила меня дышать – вопреки всем их прогнозам и моему благоразумию – и незнакомцы в больничной палате заулыбались, когда я заплакала. Все, кроме моей матери. Она даже не смотрела на меня.

Моя мать хотела сына. Когда я родилась, у нее уже было две дочери, и она дала нам имена цветов. Мою старшую сестру зовут Роуз, что оказалось до странности уместным, потому что она красивая, но не без шипов. Следующей, на четыре года раньше меня, появилась Лили. Средняя дочь в нашей цветочной семье бледная, симпатичная, и для некоторых ядовитая. Моя мать какое-то время вообще отказывалась давать мне имя, но когда время пришло, меня назвали Дейзи¹. У нее всегда есть только план А, поэтому она не дала нам запасного варианта в виде вторых имен. Но даже из цветочных имен можно было выбрать любое другое, но она решила назвать меня как цветок, который часто срывают, затаптывают или вплетают в венки. Ребенок всегда знает, если он у матери самый нелюбимый.

Забавно, как люди вырастают в соответствии со своим именем. Будто несколько букв, собранных в определенном порядке, могут предвидеть счастливую или горькую судьбу человека. Знать имя человека и знать его самого – это не одно и то же, но имена – это первое впечатление, по которому мы судим и судимы. Жизнь дала мне имя Дейзи Даркер и я полагаю, я ему соответствую.

Во второй раз я умерла ровно через пять лет после рождения. Мое сердце полностью остановилось на мой пятый день рождения, может, в знак протеста, когда я слишком много от него потребовала, пытаясь доплыть до Америки. Я хотела убежать, но плавать умела лучше, поэтому надеялась добраться до Нью-Йорка к обеду, чуток поплавав на спине. Я даже не выбралась из залива Блексэнд и – технически – умерла, пытаясь это сделать. На этом моя жизнь могла бы закончиться, если бы не наполовину сдувшиеся оранжевые нарукавники, удержавшие меня на плаву, и не моя десятилетняя сестра, Роуз. Она приплыла за мной, дотащила до берега, и вернула к жизни с энтузиазмом выполненным непрямой массажем сердца, сломав мне два ребра. Незадолго до этого она получила свой значок Первой помощи в герлскаутах. Иногда мне кажется, что она об этом пожалела. Я имею в виду, что спасла меня. Значок она обожала.

Моя жизнь не была прежней после второй смерти, потому что тогда все убедились в том, что уже и так подозревали: я сломанная.

Многочисленные доктора, по которым меня таскала мать, когда мне было пять, говорили одинаковые фразы, с одинаковым выражением лица, словно они репетировали по одному и тому же грустному сценарию. Они все пришли к выводу, что я не доживу до своего пятнадцатилетия. Годы исследований это доказывали. Моя патология была редкой, и докторам я казалась захватывающей. Некоторые приезжали из других стран просто чтобы понаблюдать за открытыми операциями на моем сердце; от этого я чувствовала себя одновременно и суперзвездой, и уродцем. Жизнь не сломала мое сердце, хоть и пыталась. Необычная бомба замедленного действия у меня в груди была запущена еще до моего рождения – редкая патологическая ошибка.

¹ В оригинале: rose – роза, lily – лилия, daisy – маргаритка.

Для того, чтобы я прожила дольше отведенного мне времени, потребовался ежедневный коктейль из бета-блокаторов, ингибиторов серотонина, синтетических стероидов и гормонов, поддерживающий меня и биение моего сердца. Если это звучит как что-то, требующее кучу сил и времени, это потому, что так и было, особенно когда мне было всего лишь пять. Но дети лучше взрослых привыкают к переменам. Они намного лучше способны получать максимум из того, что им дано, и меньше времени тратят на беспокойство о вещах, которых у них нет. Технически, я умерла восемь раз прежде, чем мне исполнилось тринадцать, и, если бы я была котом, я бы занервничала. Но я была маленькой девочкой, и у меня хватало забот поважнее смерти.

Спустя двадцать девять лет после моего сложного появления на свет, я очень благодарна, что прожила дольше, чем кто-либо предполагал. Я думаю, когда человек знает, что рано умрет, он живет по-другому. Смерть это переворачивающий жизнь дедлайн, и я в вечном долгу перед всеми, кто помог мне задержаться. Я стараюсь отплатить за это, насколько могу. Я пытаюсь с добротой относиться как к другим, так и к себе, и редко нервничаю по мелочам. Пусть у меня не так много материальной собственности, но это никогда не имело для меня значения. И все же я считаю себе довольно везучей. Я все еще здесь, у меня есть племянница, с которой я обожаю проводить время, и я горжусь моей работой – волонтерством в доме престарелых. Как говорит моя любимая пациентка, каждый раз при виде меня: секрет к обладанию всем кроется в том, чтобы знать, что у тебя уже есть.

Иногда люди думают, что я моложе своих лет. Меня не раз обвиняли, что я все еще одеваюсь как ребенок – моя мать никогда не одобряла мой выбор одежды – но мне нравится носить джинсовые платья-комбинезоны и ретро футболки. Я предпочитаю заплетать волосы в затейливые косы, а не обрезать их, и я понятия не имею, как делать макияж. Я считаю, что выгляжу хорошо, учитывая все плохое, случившееся со мной. Единственное визуальное доказательство патологии поблекшим розовым шрамом вырезано в середине моей грудной клетки. Раньше люди пялились, если я надевала что-либо, открывающее его: купальники, свитера с треугольным вырезом или сарафаны. Я никогда их не винила. Я тоже иногда на него глазею; механика моего продленного существования восхищает меня. Эта розовая линия – единственное внешнее свидетельство, что я родилась немного сломанной. Каждые несколько лет за мое слегка дисфункциональное детство, доктора по очереди снова меня открывали, заглядывали внутрь, что-нибудь чинили. Я словно старая машина, которая, вероятно, не должна больше ездить, но за которой очень хорошо следили. Хотя не всегда и не все.

Семьи похожи на отпечатки пальцев; нет двух одинаковых, и они обычно оставляют след. В полотне моей семьи всегда было многовато торчащих ниток. Оно было немного истрепанным по краям задолго до моего появления, и, если внимательно взглядеться, можно даже заметить несколько дыр. Некоторые люди не способны видеть красоту в неидеальном, но я всегда любила свою бабушку, родителей и сестер. Как бы они ни относились ко мне, и несмотря на случившееся.

Моя бабушка – единственный человек в семье, любивший меня безусловно. Настолько, что она написала обо мне книгу, или, по крайней мере, о маленькой девочке с таким же именем. Если мое имя кажется вам знакомым, причина как раз в этом. «Маленький секрет Дейзи Даркер» это бестселлер среди детских книг, написанный и иллюстрированный моей бабушкой. Книгу можно найти почти в каждом книжном магазине мира, зачастую гнездящейся между «Груффало» и «Очень голодной гусеницей». Бабушка говорила, что решила одолжить мое имя для книги, чтобы я – так или иначе – могла жить вечно. Это был добрый поступок, даже если мои родители и сестры в то время так не считали. Я подозреваю, они тоже хотели жить вечно, но вместо этого удовольствовались жизнью на прибыль от книги.

После написания книги у бабушки появилось столько денег, что она не знала, куда их тратить. Хотя вы бы не поняли этого, глядя на нее. Она всегда была щедрой женщиной, когда

дело касалось благотворительности и незнакомцев, но не в отношении себя или своей семьи. Она считает, что владение слишком многим заставляет людей хотеть слишком мало, и она всегда колебалась, когда у нее просили подачки. Но это может скоро измениться. Много лет назад, задолго до моего рождения, хиромант на ярмарке в Лендс-Энд сказала моей бабушке, что она проживет восемьдесят лет. Она никогда этого не забывала. Даже ее агент знает, что не нужно уже ожидать от нее книг. Так вот, завтра не просто Хэллоуин, это бабулин восьмидесятый день рождения. *Она* думает, что он последний, а *они* считают, что наконец-то заграбастают ее деньги. Мои родственники больше десяти лет не собирались в одно время и в одном месте. Даже на свадьбе моей сестры были не все, но когда бабушка пригласила их в последний раз посетить Сигласс, все согласились приехать.

Ее дом на корнуэльском побережье был местом моих самых счастливых детских воспоминаний. И самых грустных. Там мы с сестрами проводили каждое Рождество и Пасху, а после развода родителей еще и летние каникулы. В моей семье сердце повреждено не только у меня. Я не знаю, принимают ли мои родители, или сестры, или ее агент предсказание хироманта о ее надвигающейся смерти всерьез, но я принимаю. Потому что иногда самые странные вещи могут предсказать будущее человека. Возьмите, к примеру, меня и мое имя. Детская книжка под названием «Маленький секрет Дейзи Даркер» навсегда изменила мою семью и была своего рода предзнаменованием. Потому что у меня правда есть секрет, и я думаю, настало время им поделиться.

Два

30-е октября 2004 – 16:00

У меня перехватило дыхание при виде Сигласса.

Обычно дорога от Лондона до Корнуолла на машине занимает пять часов, немного меньше – на поезде. Но мне всегда нравилось менять шум и гам города на хитросплетение искаженных воспоминаний и проселочных дорог. Мне по душе более простая, медленная, тихая жизнь, а Лондон по природе своей громкий. Добираться сюда для меня всегда было сродни путешествию во времени, но сегодня дорога заняла меньше времени, чем ожидалось, и была относительно безболезненной. Что хорошо, потому как я хотела прибыть первой. Первее остальных.

Я с удовольствием замечая, что с моего прошлого визита ничего особо не изменилось. Каменный викторианский дом с готическими башенками и крышей, выложенной бирюзовой черепицей, словно был построен из тех же глыб камня, на которых он стоит. Кусочки синезеленого стекла все еще украшают некоторые внешние стены, поблескивая на солнце и давая Сиглассу его имя². Мини-поместье высится среди бушующих волн, расположившись на собственном крохотном частном островке вблизи корнуэльского побережья. Как и многие вещи в жизни, его сложно найти, если не знаешь, где смотреть. Спрятанный осыпающимися скалами, неотмеченными тропами, в маленьком гроте, известном в округе как бухта Блексэнд, он располагается очень далеко от протоптанных дорог. Это не Корнуолл, который вы видите на фотографиях. Но кроме проблем с перемещением, есть и другие причины, почему люди обычно держатся подальше.

Моя бабушка унаследовала Сигласс от своей матери – которая якобы выиграла его у пьяного герцога в карты. По истории он был печально известным кутилой, в девятнадцатом веке построившим эксцентричное здание, чтобы принимать там своих богатых друзей. Но он не умел пить, и, проиграв свой «летний дворец» *женщине*, он утопил свои горести и себя самого в океане. Вне зависимости от его трагического прошлого, это место является такой же частью нашей семьи, как я. Бабушка жила здесь с рождения. Но, хоть она никогда не хотела жить в другом месте и сколотила небольшое состояние на детских книгах, она никогда особо не вкладывалась в усовершенствование дома. В результате, Сигласс медленно разрушается и, как и я, скорее всего, не просуществует очень долго.

Крохотный остров, на котором он был построен двести лет назад, медленно поддался эрозии. Влияние всей силы Атлантического океана и нескольких столетий ветров и дождей наложило свой отпечаток. Дом разбух от секретов и влаги. Но несмотря на его облупившуюся краску, скрипящие половицы и древнюю мебель, Сигласс всегда был для меня больше домом, чем какое-либо другое место. Только я до сих пор навещаю сюда регулярно. Разведенные родители, занятые сестры, с которыми у нас настолько мало общего, что сложно поверить в наше родство, сделали семейные собрания довольно редким событием. Поэтому эти выходные будут особенными по многим причинам. Жалость меркнет с возрастом, ненависть стихает, но чувство вины может тянуться всю жизнь.

Путь сюда казался таким одиноким и бесповоротным. Дорога ведет к спрятанной тропе, которая вскоре резко обрывается. Отсюда до бухты Блексэнд можно добраться только двумя путями: рухнуть на верную смерть с высоты трехсот футов или пробраться по крутой, камени-

² В ориг. Seaglass – морское стекло: физически и химически выветрившиеся куски стекла, которые можно обнаружить у соленых водоемов.

стой дорожке на песчаные дюны внизу. Тропа местами разрушилась почти полностью, поэтому лучше смотреть под ноги. Несмотря на все годы моих посещений, бухта Блексэнд кажется мне самым красивым местом в мире.

Уже далеко за полдень, и солнце висит низко в туманном голубом небе, а шум моря звучит как старый знакомый саундтрек, по которому я скучала. На мили вокруг нет ничего и никого, я вижу лишь песок, океан, небо. И Сигласс, устроившийся на своем древнем каменном фундаменте вдали, о который разбиваются волны.

Добравшись до подножия скалы, я снимаю туфли и наслаждаюсь ощущением песка между пальцами ног. Это будто возвращение домой. Я игнорирую старую ржавую тележку, оставленную здесь, чтобы помочь нам добраться с вещами до дома; в последнее время я путешествую налегке. На самом деле людям требуется куда меньше вещей, чем они привыкли. Я начинаю длинный путь по перешейку, соединяющему приливный островок Сигласса с материком. До дома можно добраться только во время отлива, а в другое время он полностью отрезан от внешнего мира. Бабушка всегда предпочитала книги людям, и остров дарил ей возможность оставаться с ними наедине.

Невидимые обломки от кораблекрушения моей жизни разбросаны по этой изолированной бухте с ее пресловутым черным песком. Они – печальное напоминание обо всех путях, которые я боялась преодолеть. У каждого в жизни есть неизведанные воды – места, которые ты уже никогда не посетишь и люди, которых никогда не встретишь. Это вызывает ощущение потери, особый вид горя и тоски по несбывшемуся. Неизученные океаны наших сердец и умов обычно появляются из-за нехватки времени и веры в детские мечты. Взрослые часто забывают о том, как правильно мечтать.

Я хочу остановиться и вобрать запах океана, насладиться ощущением теплого солнца на лице и западного ветра в волосах, но время – это роскошь, которую я больше не могу себе позволить. У меня изначально его было не так много. Поэтому я тороплюсь дальше, несмотря на влажный песок, прилипающий к ступням, словно в попытке остановить меня, и на чаек, парящих и кричащих над головой, будто желая отогнать меня. Звук их воплей переводится у меня в голове в слова, которые я не хочу слышать:

Поверни назад. Поверни назад. Поверни назад.

Я не обращаю внимания на все знаки, указывающие, что этот визит был плохой идеей, и немного ускоряю шаг. Я хочу прибыть раньше остальных, чтобы увидеть место таким, каким оно существует в моих воспоминаниях, до того, как они все испортят. Я задумываюсь, предвкушают ли другие люди встречи с родными, но в то же время боятся их, как и я? Все будет нормально, когда я туда доберусь. Так я себе говорю, и сама же себе не верю.

Колокольчики, висящие на ветхом крыльце, пытаются поприветствовать меня меланхолической мелодией. Я сделала их для своей бабушки в одно Рождество, будучи ребенком – собрав все гладкие, круглые кусочки синего и зеленого стекла, которые смогла найти на пляже. Она притворилась, что ей понравился подарок, и колокольчики из морского стекла висели здесь с тех пор. Ложь из-за любви имеет самый светлый оттенок белого. У порога лежит гигантская тыква с искусно вырезанным лицом в преддверии Хэллоуина; бабушке всегда нравится украшать дом в это время года. Прежде, чем я добираюсь до большой, выдавшей вида деревянной двери, она распаивается, открывая привычную компанию встречающих.

Поппинс, пожилой бобтейл, самый преданный компаньон моей бабушки и лучший друг. Собака несется ко мне огромным подпрыгивающим шаром серо-белой шерсти, тяжело дыша, но улыбаясь, и виляя хвостом так, словно от этого зависит ее жизнь. Я здороваюсь с ней и восхищаюсь двумя маленькими косичками с розовыми бантиками, убирающим шерсть от карих собачьих глаз. В дверном проеме стоит бабушка; ровно пять футов роста и широкая улыбка. Ореол необузданных белых кудряшек обрамляет ее красивое, утонченное лицо, состаренное вином и возрастом. Она одета в розовый и фиолетовый – ее любимые цвета – с ног до головы,

включая розовые туфли с розовыми шнурками. Некоторые люди видят в ней причудливую старушку или автора детских книг: Беатрис Даркер. Но я вижу просто свою бабушку.

– Заходи, пока не пошел дождь, – она все еще улыбается.

Я собираюсь возразить насчет погоды – я *помню* ощущение солнца на лице всего мгновение назад – но когда поднимаю взгляд, то вижу, что голубое, как с картинки, небо над Сиглассом теперь помрачнело до грязно-серого. Я вздрагиваю и ощущаю, что стало намного холоднее, чем мне казалось до этого. Действительно похоже, что приближается шторм. Бабушка всегда знает, что произойдет, раньше всех остальных. Поэтому я слушаюсь ее – как всегда – и иду за ней и Поппинс внутрь.

– Почему бы тебе просто не расслабиться немного, пока остальные не присоединятся к нам? – говорит бабушка, исчезая в кухне и оставляя меня с собакой в коридоре. Чем-то вкусно пахнет.

– Ты голодная? – зовет она. – Хочешь перекусить, пока мы ждем? – Я слышу звон древних кастрюль и сковородок, но знаю, что бабушка ненавидит, когда ей мешают во время готовки.

– Не нужно, спасибо, – отвечаю я. Поппинс одаряет меня неодобрительным взглядом – она никогда не отказывается от еды – и убегает в кухню, несомненно надеясь перекусить.

Я признаюсь, было бы приятно обняться, но мы с бабушкой обе немного отвыкли проявлять привязанность. Полагаю, она не меньше меня нервничает из-за этого семейного собрания, и все мы справляемся с тревогой по-своему. У некоторых страх виден сразу, а другие учатся прятать беспокойство глубоко внутри; с глаз долой, но все еще в сердце.

Первыми – как всегда – я замечаю часы. Невозможно их не заметить. Коридор заполнен восьмидесятью идущими часами разных цветов, форм и размеров. Стена, полная времени. По одним на каждый год жизни бабушки, и она тщательно выбирала каждые, чтобы напомнить себе и миру, что ее время принадлежит ей. В детстве часы меня пугали. Я слышала их из своей спальни – *тик-так, тик-так, тик-так* — будто непрерывный шепот о том, что мое время на исходе.

Плохое предчувствие насчет этих выходных возвращается, но я не знаю, почему.

Я прохожу дальше в Сигласс в поисках ответов, и меня мгновенно переполняют воспоминания и сожаления. Знакомые виды и запахи этого места переносят меня назад во времени; восхитительная смесь ностальгии и соленого воздуха. Слабый запах океана висит в каждом уголке старого дома, будто каждый камень и балка пропитались солью.

Ничего не изменилось за годы. Побеленные стены и паркетные полы выглядят точно так же, как в моем детстве – разве что чуть более изношенные. Вдыхая все это, я все еще могу представить нас людьми, какими мы были, до того, как жизнь изменила нас, точно как море с легкостью преобразует песок. Я могу понять, почему бабушка не хотела жить в другом месте. Если бы это место принадлежало мне, я бы тоже не захотела его оставлять.

Я снова задумываюсь, почему она на самом деле пригласила сюда всю семью на свой день рождения. Я ведь знаю, что она совсем их не любит и не питает к ним привязанности. Может, хочет закрыть незаконченные дела? Иногда любовь и ненависть спутываются так, что становится сложно их различить. Задаваясь вопросами о других, я часто обращаю их и к себе. Если бы у меня был шанс пригласить все складки в моей жизни до ее окончания, какие бы я выбрала? Какие места и неровности я бы больше всего хотела выровнять, чтобы они больше не портили образ человека, которым я хотела бы запомниться? Лично я считаю, что некоторые неровности и пятна на полотне наших жизней находятся там не просто так. Чистый холст может казаться заманчивым, но на него не очень-то интересно смотреть.

Я поднимаюсь по скрипучей лестнице, оставляя тикающие часы позади. В каждой комнате, которую я прохожу, кроются призраки воспоминаний всех дней, недель и лет, проведенных здесь. Голоса из прошлого пробиваются в настоящее, шепча из оконных щелей, из-под половиц, маскируясь под звуки моря. Я представляю нас, бегающих здесь в детстве, одурма-

ненных океанским воздухом, играющих, прячущихся... делающих друг другу больно. Это мы с сестрами делали лучше всего. Мы научились в раннем возрасте. Детство – это гонка, в которой нужно выяснить, кто ты на самом деле, прежде чем вырастешь в человека, которым станешь. Не все выигрывают.

Я вхожу в свою спальню – самую маленькую в доме. Она все еще обустроена как в моем детстве: белая мебель – больше ветхая, чем изысканная – и старые, отклеивающиеся обои, покрытые поблекшим узором из маргариток. Бабушка говорит и делает все лишь один раз, и она никогда ничего не заменяет, если оно не сломано. Она всегда расставляла цветы в наших спальнях, когда мы приезжали в детстве, но я замечаю, что ваза в моей комнате пустует. Вместо этого есть серебряное блюдо с ароматной смесью из еловых шишек, сушеных лепестков и крохотных ракушек. Я замечаю «Маленький секрет Дейзи Даркер» на книжной полке, и это напоминает мне о моем секрете. О том, которым я никогда не хотела делиться. Я снова убираю его в те дальние уголки моего сознания, где он хранится.

Океан продолжает петь серенады моим беспокойным мыслям, словно пытаюсь заглушить их. Меня успокаивает этот звук. Я слышу, как волны разбиваются о камни внизу, и окно спальни покрыто каплями, стекающими по стеклу, как слезы, словно сам дом плачет. Я выглядываю наружу, и море смотрит в ответ: холодное, бескрайнее и беспощадное. Темнее, чем раньше.

Часть меня все еще беспокоится, что мне не стоило приезжать, но оставаться в стороне тоже казалось неправильным.

Остальные члены семьи скоро приедут. Я смогу наблюдать, как они будут по одному преодолевать перешеек. Много времени прошло с тех пор, когда мы все были вместе. Интересно, у всех ли семей столько секретов, сколько у нашей? Когда наступит прилив, мы будем отрезаны от мира на восемь часов. Сомневаюсь, что после отлива мы когда-нибудь еще соберемся вместе.

Три

30-е октября 2004 – 17:00

Мой отец прибывает первым.

Пунктуальность – это его единственный способ сказать: «Я тебя люблю». Сколько я себя помню, он выражал эмоции через точность во времени, будучи неспособным проявить привязанность, как нормальный отец. Но когда я думаю, как он рос здесь единственным ребенком, в доме, полном часов, на крохотном приливном острове, мне кажется, время всегда было частью его мыслей. Полагаю, в детстве он часто отсчитывал минуты до момента, когда сможет уйти. Я наблюдаю за ним из окна спальни, пока он пробирается по влажному песку. Солнце еще садится, затапливая небо палитрой розовых и пурпурных оттенков. Отец поднимает взгляд в моем направлении, но если и видит меня, то не улыбается и не машет рукой.

Фрэнк Даркер – несостоявшийся композитор, в основном дирижирующий. Он все еще путешествует по миру со своим оркестром, но хотя это может *звучать* роскошно, это не так. Он работает усерднее кого-либо знакомого мне, но не зарабатывает так много, как вы могли бы подумать. После оплаты зарплат, больничных счетов и расходов всего ансамбля остается совсем немного. Но он любит свою работу и коллег. Может быть слишком сильно; его оркестр всегда был для него семьей больше, чем мы.

Отец в довольно хорошей форме для человека за пятьдесят. У него все еще пышные черные волосы, и он с легкостью несет свой чемодан, хоть тот и выглядит великоватым для одной ночевки. Я замечаю, что он решил не брать тележку, оставленную для багажа на том конце пути. Его спина немного сгорблена годами сидения за пианино, а костюм немного великоват, будто он усох. Он одет как на похороны, а не на день рождения родственницы, и я наблюдаю, как он останавливается прежде, чем подойти к двери, пытаюсь собрать себя, как мелодию, которую не хочет писать.

Он знает – как и все мы – что бабушка собирается оставить этот дом кому-то из женщин. Она унаследовала его от своей матери, чьим предсмертным желанием было, чтобы Сигласс всегда принадлежал женщинам семьи Даркер. Решение пропустить поколение жутко расстроило моего отца, как только он узнал об этом. Отец никогда не *хотел* Сигласс, ему просто *нужны* были деньги, чтобы сохранить оркестр. Он бы продал это место еще много лет назад, если бы это зависело от него. Бабушка спонсировала амбиции моего отца с малых лет, но сколько бы она ему ни давала, этого никогда не хватало. Я спускаюсь вниз, чтобы увидеться с ним, хотя и знаю, что он не хотел бы меня видеть. Я никогда не остаюсь наедине с собой слишком долго; мне нельзя доверять.

Поппинс уже у двери, и бабушка открывает ее прежде, чем отец успевает постучать. При виде его лицо бабушки озаряется искренней улыбкой, обнажающей ровные белые зубы, все еще достаточно острые, чтобы укусить.

– Здравствуй, Фрэнк.

– Мама, – говорит он со странным вкрадчивым кивком. – Рад тебя видеть.

– Неужели? Может, тебе стоит попробовать навещать меня почаще? – В ее глазах мелькают искры веселья, но мы все знаем, что она говорит серьезно. Бабушка никогда не чувствовала себя одинокой, оставаясь одна в доме, но вещи и люди, по которым мы скучаем, меняются с возрастом.

Отец не отвечает. Болезненных тем лучше избегать, когда тебя уже жалили слишком много раз. Вместо этого он бросает взгляд на стену с часами, опускает на пол чемодан и вешает

пальто на стойку. Он носил одно толстое, черное шерстяное пальто уже много лет, не потому, что не может себе позволить новое, а потому, что мой отец всегда был человеком привычки.

– Не забудь отметить, – говорит бабушка, преграждая ему дорогу, когда он пытается пройти в гостиную. Это место было его домом, а дома детства скрывают разнообразных призраков для людей вроде отца. Взрослый мужчина быстро начинает вести себя как маленький мальчик.

Стены в коридоре почти полностью скрыты часами всех размеров, цветов и дизайнов. Большие, маленькие, круглые, квадратные, электронные, с кукушкой, музыкальные, с маятником, новомодные и даже винтажные настенные песочные часы, наполненные песком из бухты Блексэнд. Ближайшие ко входной двери часы – одни из бабулиных самых любимых. Это антикварные деревянные табельные часы со старой корнуэльской фабрики, изначально используемые работниками, чтобы отмечать начало и конец смены. Мой отец вздыхает. Он встречает большинство вызовов с заведомым поражением. Он берет карточку со своим именем из крохотного шкафчика, вставляет ее в часы, выбивает время, потом возвращает ее обратно.

– Довольна? – спрашивает он.

– В экстазе, – отвечает бабушка с улыбкой. – Чем старше становишься, тем большее значение обретают семейные традиции; они объединяют нас, когда мы проводим слишком много времени порознь. Если ты проверишь свою карточку, ты увидишь, что прошло многовато времени с тех пор, как меня навещал мой единственный сын.

Это знакомый семейный танец, движения которого знаем мы все.

Она направляется за ним в гостиную, но останавливается в дверном проеме.

– Тебя это тоже касается, – говорит она мне через плечо. Я надеялась, что избавлена от этого ритуала – я все время навещаю бабушку – но если это доставит ей удовольствие, я подыграю. Я беру карточку с моим именем, отмечаю и кладу ее обратно. Ее лицо озаряется радостью, когда она видит это, но омрачается, как только мы присоединяемся к отцу в гостиной.

Если вы можете вообразить себе комнату с разномастной ретро мебелью, музыкальным автоматом 50-х годов, диванами пастельных оттенков, уютными креслами, полками, уставленными таким количеством книг, что они начали проседать посередине от их тяжести, огромными окнами с видом на море, гигантским камином, бирюзовыми обоями, испещренными от руки нарисованными птицами и цветущей бузиной, то вы можете представить гостиную Сигласса. Я никогда не видела ничего подобного.

Бабушка поднимает бутылку скотча с медной тележки для напитков в углу. Я качаю головой – для меня рановато – но отец кивает, затем принимается гладить Поппинс, пока бабушка наливает напиток. Он единственный в семье пьет виски, все остальные его терпеть не могут. Бабушка смешивает себе Мохито, разрывая немного листьев мяты, затем кроша лед древней скалкой, прежде чем плеснуть щедрую порцию рома. Я поражаюсь восприятию обычных напитков в семье Даркер. В этом доме не используют скромный шерри даже для бисквита.

Из-за небольшого оседания – едва заметного, если не знать, куда смотреть, а наша семья всегда умело заклеивала трещины – напитки, поставленные на стол в этой комнате, тут же начинают сползать. Моя мать говорила, что поэтому вся семья слишком много пьет – всегда приходится держать свои стаканы, чтобы не разбить их – но я не думаю, что причина в этом. Некоторые люди пьют, чтобы утопить свои печали, другие, чтобы в них поплавать.

Мы сидим в неловком, но хорошо отрепетированном молчании, и я замечаю, что они оба делают по несколько глотков, прежде чем попытаться завести разговор. Ветви нашего семейного древа разрослись в разных направлениях, и лучше избегать беспокойных тем, способных согнуть и сломить их. Я вежливо улыбаюсь и пытаюсь забыть обо всех годах, когда отец не разговаривал со мной, не навещал меня в больнице, или просто вел себя так, будто я умерла. Я притворяюсь, что не помню о забытых им днях рождения, или рождественских вечерах, когда он решал остаться на работе, а не вернуться домой, бесчисленных раз, когда он заставлял мать

плакать, или ту ночь, когда я услышала, как он обвинил в их разводе меня и мое сломанное сердце. Просто на это время, пока мы ждем прибытия других, я притворяюсь, что он хороший отец, а я – дочь, которую он хотел.

Мне не приходится притворяться долго.

Следующей появляется моя старшая сестра, спасающая меня от утопления, когда ей было десять. Роуз красивая и самая умная из всех нас. Она на пять лет старше и почти на фут выше меня. Мы никогда не были близки. Мне сложно быть вровень с сестрой не только из-за ее роста и разницы в возрасте. Не считая одинаковой крови, текущей в наших венах, у нас попросту нет ничего общего.

Роуз работает ветеринаром и всегда предпочитала общество животных людям. Ее одежда такая же практичная, как и она сама: тельняшка курткой в обтяжку в сочетании со строгими (экстра-длинными) джинсами. Она выглядит старше своих тридцати четырех. Ее длинные каштановые волосы убраны с лица в аккуратный хвост, а ее челка слишком длинная – словно она пытается спрятаться за ней. Мы с ней уже давно не разговариваем. И обе знаем причину.

Семьи похожи на снежинки: каждая уникальна.

Роуз больше рада собаке, чем мне или отцу, поэтому Поппинс снова получает все внимание. Моя старшая сестра в этот раз приехала сюда одна; полагаю, как и мы все. Брак Роуз продлился меньше года, и после развода она зарылась с головой в работу и открытие собственной ветеринарной клиники. Даже в детстве она была решительно совестливой; отличницей, затмевавшей всех нас. Роуз всегда обладала жадой знаний, которую не могло утолить никакое количество обучения. Отец называет ее доктором Дулиттлом, считая, что она нынче разговаривает только с животными. Возможно, он прав. Роуз приносит себе большой стакан воды с кухни, затем усаживается на край розового дивана рядом с отцом, все еще не сняв куртку, словно еще не решила, остаться ли.

Море уже начинает подбираться к дороге к тому времени, как появляются остальные. В то время как мой отец выражает доброту через пунктуальность, моя мать оскорбляет опозданиями. Нэнси Даркер развелась с нашим отцом больше двадцати лет назад, но оставила его фамилию, а также поддерживала тесную связь с его матерью. Она приехала из Лондона с моей пятнадцатилетней племянницей и Лили – ее любимой дочерью. Они всегда были близки и все еще проводят много времени вместе. Лили единственная из нас, одарившая родителей вожделенной внучкой. Сомневаюсь, что появятся другие.

Когда мать смотрит в мою сторону, меня пробирает холод. Она никогда не прячет свои эмоции; она всегда по-зимнему холодна. В нашем детстве Нэнси была так похожа на Одри Хепберн, что иногда мне казалось, это *ее* показывали по телевизору, когда она заставляла нас смотреть те черно-белые фильмы снова и снова. Она все еще очень красивая и грациозная женщина, и выглядит гораздо моложе своих пятидесяти четырех лет. Ее черные волосы как всегда острижены под каре, и она все еще выглядит, ходит и разговаривает как кинозвезда на пенсии.

Она частенько припоминает нам тот факт, что могла бы стать актрисой – если бы случайно не стала родителем, словно ее нереализованные амбиции – это наша вина. Но я полагаю, что по разным причинам какое-то количество презрения родителей к детям – это нормально, даже если об этом редко говорят. Разве не все гадают, кем они были бы, если бы стали кем-то другим?

После развода она получила щедрую сумму денег, которая иссякла, когда мы с сестрами покинули родительское гнездо. Я не понимаю, откуда мать берет деньги теперь, и я знаю, что лучше не спрашивать. Она сделала карьеру из соревнований – время от времени участвуя во всех, которые видит по телевизору. Может, из-за их количества, но иногда он выигрывает. Хотя считать простую удачу успехом может быть опасно. Нэнси всегда была марионеточником

в нашей семье, дергая за все наши ниточки так незаметно, что мы не всегда замечали, когда наши мысли не принадлежали нам.

Когда бабушка открывает старую деревянную дверь, чтобы поприветствовать прибывших, перешеек уже скользкий от морской воды. Я вижу, что их обувь промокла насквозь и оставляет лужи на полу. Лили слишком занята обвинениями всех и вся кроме себя самой за опоздание – пробки, навигатор, машину, оплаченную бабушкой – чтобы заметить, как мы все глазеем на нее. Она будто считает, что прилив должен был подождать ее появления. Нытье – суперсила моей сестры. Она ходячая кислая мина. Саундтрек ее жизни – это не более чем череда стенаний, объединенных в симфонию негатива, которую мне утомительно слушать. Я ощущаю холодность, которой она обдает нас всех, и отступаю на шаг.

Лили – более маленькая версия Роуз, но без мозгов и точеных скул. Как и у матери, у нее никогда не было постоянной работы, и все же она мать на полставки, забеременевшая в семнадцать. От нее несет духами и претенциозностью. Я улавливаю неприятный запах *Poison*³ – ее любимой туалетной воды – которым она заливала себя с подросткового возраста. Это единственное в ней, что никогда не менялось. Лили все еще одевается в откровенные вещи из подростковых магазинов и мне кажется, она спит, не смывая макияж, потому что я не помню, как ее лицо выглядит без него. Она наматывает прядку мелированных волос на палец как ребенок, и я замечаю, что у нее видны корни. Она не натуральная блондинка. В нашей семье все темноволосые, включая мою чудесную племянницу.

Трикси пятнадцать. Как большинство детей, она годами была ходячим знаком вопроса, заваливая окружающих бесконечными «почему, когда, где и как». Постоянным вызовом было находить ответы достаточно быстро – а иногда находить вообще. Теперь же, мне кажется, что эта любящая читать девочка знает больше всех нас вместе взятых. Она похожа на миниатюрную библиотекаршу, и я считаю, это хорошо, потому что я обожаю библиотекарей. В отличие от своей матери, или моей, Трикси начитанная, очень вежливая и невероятно добрая. Иногда развитая не по годам, но в этом нет ничего плохого, если спросите меня.

Ее мать не одобряет ее стиля одежды. Как только Трикси стала достаточно взрослой, чтобы решать, что ей носить, она настаивала на том, чтобы одеваться исключительно в розовое. Она буквально заходила в истерику, если Лили пыталась одеть ее во что-либо другого цвета. Да и сейчас Трикси не одевается как обычный подросток. Она скорее умрет, чем надеет джинсы или дешевые, пошлые вещи, которые предпочитает ее мать. Сегодняшний тщательно подобранный образ состоит из пушистого розового свитера с белым кружевным воротничком, розовой вельветовой юбки и розовых блестящих туфель. Даже очки у нее розовые, и она держит маленький винтажный чемоданчик розового цвета, в котором, полагаю, покоится несколько книг. Ее волосы до плеч – это взъерошенная масса темно-каштановых кудряшек, и ее нежелание их выпрямлять является еще одной вещью, которой она невольно раздражает свою мать. Но все подростки находят способы испытать терпение родителей; это обряд инициации.

Трикси инстинктивно знает, как согреть самые холодные сердца, и ее присутствие мгновенно растапливает ледяную атмосферу в Сиглассе. Может, она иногда ведет себя незрело и ей недостает крутости, но она добрый и счастливый ребенок – редкий подвид подростков. Ее взгляд на мир будто раскрывает в нас все самое лучшее.

– Бабуля! – взвизгивает она с неподдельным восторгом. – С днем рождения!

– Мой день рождения завтра, но спасибо, дорогая, – отвечает бабушка, улыбаясь своей теще и правнучке.

Женщины обмениваются объятиями и приветствиями, и я замечаю, что мы все улыбаемся. Это редкое явление, как затмение.

³ В переводе с *англ.* – яд.

– Я так рада тебя видеть, тетушка Дейзи, – говорит Трикси, пока остальные сбрасывают сумки, снимают пальто и мокрые туфли, колготки и носки.

– Я тоже очень рада тебя видеть, – отвечаю я.

– Так, не забудьте отметить, – обращается ко всем бабушка. – Ваши карточки в шкафчиках рядом со старыми заводскими часами. Вы знаете, мне нравится видеть, кто здесь, а кого нет.

– Ты же знаешь, что гостей о таком просить не нормально? – вздыхает Нэнси.

– Дорогуша, я лучше буду мертвой, чем нормальной, – улыбается бабушка.

Все обмениваются изумленными взглядами, но улыбки меркнут, когда в коридор выходит мой отец. Я смотрю, как он осторожно приближается к опоздавшим.

– Дедушка! – восклицает Трикси, разбивая тишину. Она еще не унаследовала семейные обиды, поэтому спешит обнять его.

– Привет, поросенок! – говорит он. – Боже, как ты выросла! – Он давно ее не видел. Как и всех нас.

Отец ласково звал «поросеночком» меня, когда я была маленькой. Моя старшая сестра Роуз была его «умницей», а Лили – «принцессой». Такое чувство, что меня заменили, будто он перенес всю привязанность, которую чувствовал ко мне, на мою племянницу, но я знаю, что глупо ревновать к ребенку.

Отец не глядит на свою бывшую жену, но я улавливаю ее пристальный взгляд, устремленный на его дорогой галстук, как на петлю, которую она хотела бы затянуть. Их отношения были достаточно дружелюбными первые несколько лет после развода, но потом что-то сломало оставшуюся между ними связь. Они не оказывались в одной комнате со времен свадьбы Роуз, и даже тогда они сидели на противоположных концах стола и не разговаривали. Раньше моя мать скрывала свое пренебрежение, но за годы оно разрослось и, как бы она ни пыталась его спрятать, частичка всегда оставалась на виду. Жизнь заострила ей язык и она больше не боялась им пользоваться.

– Возвращение блудного отца и сына. Хорошо выглядишь, Фрэнк. Как чутко с твоей стороны оторваться от своего оркестра ради дня рождения матери.

Началось. Мы всегда проигрываем, пытаюсь изображать из себя счастливую семью.

Я выглядываю на перешеек в последний раз, прежде чем море полностью поглощает его, и мы оказываемся отрезанными от внешнего мира. Вся семья в сборе, и когда прилив закончится, мы не сможем никуда деться целых восемь часов.

Четыре

30-е октября 2004 – 18:00

Бабушка собирает нас в гостиной – несмотря на разнообразные возражения – и большая комната внезапно кажется очень тесной. Не говоря ни слова, мы рассаживаемся по местам, которые были нашими, еще когда я была маленькой. Полагаю, знание своего места в семье похоже на мышечную память, его невозможно забыть. Теперь в доме так тихо, что я слышу тиканье часов в коридоре. Всех восьмидесяти. И уже кажется, будто это будет очень длинная ночь.

– Я знаю, вы все хотите распаковаться и освежиться, и нам многое нужно наверстать, – иронично улыбаясь, говорит бабушка. – Но я нашла парочку старых семейных видео, которыми я хочу с вами поделиться за выходные, и я подумала, это может помочь растопить лед. Или, может, просто немного его подогреть? Роуз, вставишь это в проигрыватель? Ты знаешь, у меня аллергия на технологии.

Роуз берет у бабушки из рук побитую кассету. Мне кажется, они подмигивают друг другу, но, может, я это вообразила. На полке позади них я замечаю целый ряд видеокассет, которых я не видела раньше. Раньше она была уставлена книгами, как и все другие полки в этой комнате. На каждой кассете есть ярлык и даты, написанные витиеватым почерком. 1975–1988.

Когда телевизор – наверное, старше меня – оживает, все взгляды обращаются к моей матери, потому что на экране появляется ее лицо и она одета в свадебное платье. Записи должно быть больше тридцати лет. Изображение немного зернистое и без звука, но от ее красоты все равно захватывает дух. Я зачарованно смотрю вместе с остальными, как дедушка, которого я никогда не встречала, ведет ее к алтарю в церкви, которую я никогда не видела, чтобы встать рядом с моим отцом. Он одет в большеватый костюм, с прической в стиле семидесятых, и он выглядит молодым и счастливым. Они оба кажутся такими.

– Это снято на мой старый «8 Супер»⁴, – говорит отец с такой незнакомой улыбкой, что кажется другим человеком. – Я помню, как переписывал это на кассету и думал, что *это* будет последним новшеством в домашней технике. Наверное, ничто не вечно, – говорит он, подаваясь вперед в кресле и звучит шутливо. Он поглядывает на мою мать, но она слишком занята глазением на экранную версию себя, чтобы заметить.

Мои родители, Фрэнк и Нэнси, познакомились в университете. Она была на первом курсе, он – на последнем. Друзья прозвали их «Синатрами» и, как свои знаменитые прототипы, они были обречены почти с самого начала. Фрэнк и Нэнси оба были членами общества художественной самодеятельности. Мой отец создавал музыку, а мать определила остаток их жизни, забеременев в девятнадцать. Вы бы никогда этого не поняли, но Роуз тоже была на этом видео, спрятанная в крохотной выпуклости под хитроумно сшитым свадебным платьем. Нэнси так и не выпустилась. Они поженились как только узнали о беременности – потому что, по всей видимости, в то время так было положено – и переехали к бабушке в Сигласс, пока отец не собрал достаточно денег на собственное жилье. Думаю, мои родители были счастливы какое-то время. Они уравнивали эмоции друг друга. Но Лондон отдалил их от моря, музыка отдалила его от нее, и ко времени моего появления они стали незнакомцами, женатыми по воле судьбы.

⁴ Видеокамера, изготовленная для использования киноплёнки «8 Супер».

– Я нашла целую коробку таких записей на чердаке. Семейные празднования Рождества, дни рождения, летние каникулы... У меня еще не было времени посмотреть их все, и я подумала, что это может быть хорошим общим занятием, – говорит бабушка. – Мир, в котором мы живем сегодня, небрежно относится к воспоминаниям. Я надеялась, что вид прошлых нас напомнит нам, кем мы являемся.

Видео со свадьбы длится не дольше трех-четырех минут – я полагаю, в те дни пленка стоила дорого, и людям приходилось более серьезно выбирать моменты жизни, которые они хотели запомнить. Все заканчивается изображением моих родителей на церковной лестнице. Я узнаю бабушку на заднем плане, но никого больше среди улыбающихся лиц. Друзья, разбрасывающие конфетти, словно тоже преобразились в незнакомцев, исчезнув из их жизней, как и любовь. Видео замирает на картинке моих родителей, улыбающихся друг другу более тридцати лет назад. Я смотрю на них сейчас и гадаю, куда делась эта любовь.

– Я пойду разбирать вещи, – объявляет отец, вставая.

– Куда? У нас не хватает спален, – говорит Нэнси, не смотря на него.

– Я посплю в музыкальном зале.

– Хорошо.

Он выходит из гостиной, и никто из нас не знает, что сказать. Мой отец всегда держал свои чувства в заложниках. Его неспособность – или нежелание – объясняться, казалось, заставляло мою мать озвучивать свои чувства по любому вопросу в два раза чаще и громче. Отец будто мог общаться только через музыку, из-за чего наше детство прошло под бесконечные злые и тоскливые композиции на пианино.

– Ты была красивой на видео, Нэнси, – говорит Трикси. Никто не осмелился бы назвать мою мать бабушкой. Нам нельзя было даже называть ее мамой. Только Нэнси. Моя племянница хотела сделать комплимент, но остальные знают мать достаточно хорошо чтобы понимать, что прошедшее время будет воспринято как оскорбление.

– Думаю, я пойду подышать свежим воздухом. Проверю свой сад, – говорит Нэнси.

Никто не напоминает, что технически это сад бабушки, или что небо уже поглотило остатки солнечного света. Снаружи темно и уже достаточно давно. Но Нэнси как актриса черно-белого кино драматически покидает сцену, в которой она не хотела сниматься. Остальные еще некоторое время сидят в неловком молчании. Судя по всему, Роуз испытывает наибольший дискомфорт. Она чувствует, что наши родители готовятся к ссоре. Она была достаточно взрослой во время развода чтобы помнить, насколько между ними все может быть плохо. Гордость переписывает историю того, кто от кого ушел, в головах моих родителей, и они всегда отказывались поделить вину. Вскоре мы тихо отступаем в свои уголки Сигласса. Не потому, что представление окончено, но потому, что я боюсь его начала, и, может, всем нам нужно отретировать свои реплики.

Я задерживаюсь на лестничном пролете, выглядывая в окно, выходящее на заднюю часть дома и раскинувшийся Атлантический океан. Я вижу мать, идущую между пятнами лунного света и тени. У Нэнси нет большого сада в Лондоне, поэтому она считает сад бабушки своим. Ее одержимость растениями и цветами началась, когда она забеременела Роуз и переехала в Сигласс. Она сама решила жить с новоиспеченной свекровью, пока папа заканчивал университет. Нэнси никогда не рассказывает о своей собственной семье. Мы знаем, что у нее она была, но больше ничего. Я никогда не видела своих бабушку и дедушку с маминой стороны, никто из нас не видел, она даже не говорила, как их зовут. Судя по всему, бабушка рада была присутствию моей матери в доме, но она была слишком занята созданием детских книжек, чтобы находить время на общение или садоводство, поэтому это стало хобби Нэнси. На следующие несколько лет этот кусок земли позади дома стал ее одержимостью. Иногда мне кажется, что она приезжает проведать сад, а не бабушку.

Фрэнк подарил ей «Книгу наблюдателя диких цветов», когда она была беременна Роуз, и я подозреваю, что она и вдохновила мать на наши имена. Это крохотная старая зеленая книжка, которую она все еще повсюду носит с собой, как маленькую библию. Нам никогда не разрешалось помогать Нэнси, когда она часами пропадала на улице, в *своем* пространстве. Роуз говорила, это потому, что мать тайком растила ядовитые растения. Лили считала, что она выращивала марихуану. Я всегда думала, что она просто хотела, чтобы ее оставили в покое.

Нэнси очень хорошо удавалось выращивать все, кроме детей. По ее мнению мы никогда не выросли достаточно быстро, не были достаточно высокими или красивыми. Поэтому она посеяла зерна страха и сомнения по всему дому и в наших сердцах, а те проросли через всю нашу жизнь, напоминая, каким разочаровывающим урожаем мы были.

Мир за окном теперь холодный и темный. Море ночью кажется черным, как жидкое небо, отражающее луну и звезды. Я все еще различаю фигуру моей матери, одинокой в своем саду, хоть там, должно быть, ужасно холодно. Она будто срывает что-то – может, маленькие цветы – я не могу разобрать отсюда. Когда она смотрит в окно, будто почувствовав, что за ней наблюдают, я спешу в свою спальню, не зная, почему мне так страшно быть замеченной.

Пять

30-е октября 2004 – 20:00

Когда чемоданы и обиды распакованы, в семье устанавливается привычный ритм.

При встрече с моими сестрами, сколько бы времени ни прошло и как бы они ни выросли, мы всегда возвращаемся к детским версиям себя. Я подозреваю, все путешествуют в прошлое, встречаясь с семьей. Никто не ведет себя как обычно. Даже мои родители изо всех сил ведут себя наилучшим образом. Никто не хочет расстроить бабушку в день ее рождения.

Мы с Трикси играем в Скрэббл в гостиной, когда Лили приходит позвать нас к ужину.

– Хватит, пойдем есть, – рявкает моя сестра, стоя в дверях.

– Но мы не доиграли, – возражает Трикси.

Лили тремя шагами пересекает комнату, а затем сбрасывает буквы с доски на пол.

– Доиграли, – говорит она, прежде чем мимолетно полюбоваться своим отражением в зеркале над камином, а потом выходит из комнаты.

Я провожу с Трикси много времени. Материнство не далось моей сестре легко, но для меня одним из лучших событий жизни было стать тетей. Лили было восемнадцать, когда родилась ее дочь. Она любила гаджеты больше детей, и она вскоре обнаружила, что к материнству не прилагается инструкция, а у детей нет выключателя. В результате, я провожу несколько вечеров каждую неделю в их доме, приглядывая за Трикси, чтобы дать Лили отдохнуть. Понятия не имею от чего именно. И она никогда меня не благодарит за потраченное время. Мы с Лили вообще не разговариваем. Она все еще считает меня ребенком. Думает, что я так и не выросла. Мне кажется это ироничным, учитывая *ее* поведение. Некоторые люди просто не замечают реальности, а видят лишь прошлое. Я не против, я обожаю проводить время с племянницей. И мне нравится смотреть, как она постепенно превращается в замечательного человека. Трикси доставила мне в жизни больше радости, чем что-либо другое.

Остальные члены семьи уже собрались на большой эклектичной кухне в задней части дома. Все шкафчики бледно-голубые, и на некоторых плитках на стене нарисованы животные или цветы. Бабушке всегда нравилось иллюстрировать не только книги, но и жизнь. Вся задняя стена представляет собой гигантскую меловую доску, на которой она записывает свои идеи и делает наброски. Иногда, если мысли не приходят ей на ум, она записывает вдохновляющие цитаты какого-либо мертвого автора. Покойники зачастую знают больше о живых, чем они сами. Сегодня я вижу только рецепт шоколадных брауни, поэму о падении и искусно нарисованную мелом птицу. Она похожа на малиновку. Бабушка украсила кухню в честь Хэллоуина, как и каждый год. С потолка свисают черные с оранжевым бумажные украшения, кругом много свечей и вырезанных тыкв, и в углу стоит что-то похожее на ведьмину метлу, но я думаю, она, возможно, находится там всегда.

Пространство служит еще и столовой, и в середине стоит длинный деревянный стол, сделанный из простого огромного куска бука, которому больше пятисот лет, и он действительно красив. Стол окружен восьмеркой разных стульев, подобранных бабушкой для каждого из нас. У моей матери он белый, высокий и тонкий. Он выглядит хорошо, но заставляет людей чувствовать себя неуютно, как и женщина, для которой его выбрали. Черный стул отца старше, шире и округлее. У Роуз он элегантный и красный, а у Лили – зеленый и, думаю, выглядит довольно неприятно. Мой вполне простой на первый взгляд, но на сиденье нарисованы маргаритки. У бабушки стул розовый с фиолетовым – ее любимые цвета, а у Трикси – самый новый и маленький, усеянный серебряными звездами. По словам бабушки, она разрисовала стулья,

чтобы мы всегда знали, что это наш дом. Моя мать сказала, это для того, чтобы мы все знали свое место.

Ужин был целым пиром – запеченная курица с картошкой, Йоркширские пудинги и соус-ничи с подливой. Но подлива это горячий шоколад, так как бабушка считает, что на Хэллоуин все должно быть сладким. Морковка присыпана сахаром, пудинги это на деле зефир, с горошком смешаны «Смартис»⁵, а в картошке есть шипучки. То, что выглядит как хлебный соус, в действительности является растопленным ванильным мороженым. Еда одновременно удивительная и на удивление вкусная.

На скатерти разбросаны тыквы с пугающими вырезанными лицами, шишки, ракушки и сладости. Окутанной в свет свечей, комната выглядит красивой и радостной, как и наша хозяйка. Я чувствую вину за свое отсутствие аппетита, но остальные принимают за еду, пока не съедят последнюю хрустящую запеченную картошку с шипучкой. Даже Лили – жалующаяся на все и никогда не готовившая никому из родных – кажется довольной. Если моя сестра когда-нибудь и пригласила бы нас на еду, я предполагаю, нам бы подали лапшу быстрого приготовления на ужин и «Поп-Тартс»⁶ на десерт.

Под конец странного пирования на столе также много пустых бутылок, и мои разведенные родители однозначно выпили больше нужного. Моя мать всегда пыталась растворить слова отца в вине. На одном конце стола Нэнси выглядит так, будто ей едва удастся держать веки открытыми. А тем временем на другом отец с трудом отводит *свой* взгляд от нее. Когда они были женаты, он так плохо к ней относился, но я думаю, что он любит ее сейчас так же, как и тогда, может, больше. Он собирал сожаления, а она накапливала пренебрежение. Иногда люди не понимают, что влюблены, пока это не пройдет.

Спокойная и тихая аура Сигласса сменилась громким смехом и повторяющимися историями из тех, что рассказываются, когда языки смазаны ностальгией и вином. Мы слышали истории друг друга слишком много раз, но для видимости притворяемся, что это не так. Потом стена часов в коридоре начинает отбивать девять вечера. Все восемьдесят – включая одни напольные и пять с кукушкой – поэтому кроме них ничего не слышно. Как только звон прекращается, Трикси заговаривает.

– Бабуля, почему в твоих книгах есть только тетушка Дейзи? Почему не мама, не тетушка Роуз?

Дети всегда задают больше неловких вопросов, но Трикси достаточно взрослая, чтобы сдержаться, и мне кажется, что все за столом поворачивается ко мне. Мы с сестрами не разговаривали много лет из-за произошедшего. Роуз отказывалась видеться со мной или вообще разговаривать очень долгое время, но теперь неподходящий момент раскапывать прошлое. Сейчас мы должны праздновать. Непрошенные мысли застревают у меня в голове и я не могу подвинуть их. К счастью, бабушка отвечает, поэтому мне не приходится:

– Ну, история не совсем о тетушке Дейзи, я просто одолжила ее имя. А что? Ты бы хотела, чтобы я как-нибудь использовала и твое имя в книге?

– Нет, спасибо, бабуля. Я слишком взрослая, чтобы быть в детской книге. Я бы хотела оказаться в истории с загадочным убийством. Жаль, что ты их не пишешь.

Бабушка много лет была художницей, иллюстрировала чужие книги за очень скромные суммы денег. В год, когда мою патологию сердца диагностировали, известный автор грубо высказался о ее рисунках. Ее глубоко ранили последовавшие за этим волнения и обиды, поэтому она отказалась работать с этим автором в будущем. Высокие моральные принципы могут дорого стоить, а частные больницы и дополнительные консультации даются недешево. Поэтому бабушка впервые написала свою книгу, наполненную поэмами, написанными, когда

⁵ Smarties – разноцветные глазированные шоколадные конфеты.

⁶ Pop-Tarts – двухслойное печенье со сладкой начинкой.

она сидела в залах ожидания и беспокоилась обо мне. Она проиллюстрировала книгу сама, написала свои слова, нашла себе агента и издателя, все это чтобы доказать свою правоту. Но после успеха «Маленького секрета Дейзи Даркер» пути назад не было.

– Думаю, большинство историй о загадочных убийствах переоценены, – говорит бабушка. – Есть намного более изощренные пути покончить с человеком, чем убить его.

Всем будто становится неуютно от ее слов, не считая Роуз, которая всегда с большим спокойствием воспринимала смерть, чем мы. Может, потому, что она видит много ее на работе. Роуз часто работает бесплатно, что, возможно, является причиной финансовых проблем с ее ветклиникой. Она спасает и пристраивает столько животных, сколько может, работает для этого днем и ночью, но даже она не может спасти всех. Это поразительно и грустно, сколько раненых животных бросают на пороге ветеринара; питомцы, которых однажды любили, теперь исчерпавшие свой срок годности. Роуз даже убедила бабушку приютить парочку брошенных кур несколько лет назад, и Эми с Адой живут в ярко раскрашенном курятнике с тех самых пор. Куры почти такие же члены семьи, как Поппинс.

– Но есть и изощренные способы кого-то убить и не попасться, – говорит Роуз, делая такой крохотный глоток вина, что усилие, чтобы поднять бокал, кажется едва стоящим.

– Как, например? – спрашивает Трикси.

Роуз – никогда не фильтровавшая слов в присутствии детей – смотрит на нашу племянницу.

– Ну, я выбрала бы инсулин, введенный между пальцев ног, где люди вряд ли будут искать. У меня его хватает в клинике, а пропажу доз достаточно легко объяснить – лекарства теряются или разбиваются постоянно. Это было бы почти слишком легко и я сомневаюсь, что меня бы поймали.

Трикси тарашится на нее. Как и все мы.

– Я бы отравила человека растениями, – говорит Нэнси. – Чуток крапчатого болиголова или белладонны. Морфий или цианистый калий, если мне хотелось бы чего-то более изысканного и если было бы время, но оба можно добыть из цветов и деревьев. В большинстве садов достаточно просто найти по крайней мере одно ядовитое растение, если знать, где искать. И подсыпать что-нибудь человеку в напиток занимает меньше секунды.

Отец качает головой. Иногда мне кажется, что нет вещи, которая не вызвала бы разногласий у моих родителей.

– Я думаю, резкий удар по голове был бы более простым методом кого-то прикончить, – говорит он.

– Или столкнуть их с лестницы, – вставляет Лили с коварной улыбкой.

– Или со скалы, – добавляю я.

Нана улыбается и хлопает в ладоши: – Какая же мы убийственная семейка!

Шесть

30-е октября 21:00 – девять часов до отлива

– Что ж, я думаю, для молодых ушей достаточно разговоров об убийствах на один вечер, – говорит Лили. – Тебе давно пора в кровать, юная леди...

– Мам, мне *пятнадцать*. – Трикси сверлит ее взглядом.

– Тогда начини одеваться как пятнадцатилетняя, а не как младенец, влюбленный в сахарную вату. Давай. Взрослым нужно расслабиться.

– Имеешь в виду, ты хочешь покурить?

– Пожелай всем спокойной ночи и отправляйся в кровать, – рявкает Лили. – Можешь почитать одну из своих занудных книжек, чтобы заснуть.

Лили никогда не видела удовольствия в чтении. Честно говоря, я никогда не видела удовольствия в Лили. Она из тех людей, которые могут лишь взять книги в библиотеке, чтобы вырвать последние страницы и сдать их обратно.

– Мы даже еще не съели десерт, – говорит Трикси.

– Если бы моя талия была такой же огромной, как у тебя, я бы даже не *произносила* слово «десерт». Ты разве никогда не задумывалась, почему ты не нравишься мальчикам?

Трикси пронизывает свою мать взглядом из-за своих розовых очков. Я вижу навернувшиеся на ее глаза слезы, но она смаргивает их с такой решительностью, что я ею горжусь. Она обходит стол, целуя каждого на прощание. Мне до сих пор кажется чудом, что кто-то настолько холодный и безразличный как моя сестра, мог создать такого доброго и милого ребенка. Как только Трикси выходит из комнаты, Лили закуривает. Она, похоже, не замечает, как все на нее смотрят.

– Почему меня не одарили *нормальным*, угрюмым подростком? Никаких парней, ни одного. А ее подружки одеваются, как монахини и разговаривают, как задроты. Я хотела чирлидершу, но она только и делает, что треплется о благотворительности. Это как жить с Саффи из «Еще по одной», но *хуже*, она круглыми днями нагоняет на меня смертную скуку своими книгами и мнениями о гребаном глобальном потеплении.

– Тебе надо радоваться, что она не проблемная, как ты в ее возрасте, – замечает бабушка.

– Можно я звякну по стационарному телефону? – спрашивает Лили, игнорируя замечание. – У меня здесь сотовый не ловит.

Лили – обожавшая гаджеты в детстве – провела большую часть восьмидесятых в тесных отношениях с Пэкменом и ее Атари, и является одним из немногих членов семьи, имеющих мобильный в 2004-м. Когда мы были маленькими, у отца был один размером с булженик, но пользование им стоило целое состояние, поэтому он был в основном для вида. Лили берет свою темно-синюю маленькую Нокia со стола, и мы все изучаем ее, будто это кусок Луны.

– Извини, Лили. Телефон больше не работает, – говорит бабушка, убирая тарелки.

– Почему нет?

– Я перестала оплачивать счета.

– Почему?

– Люди все время мне названивали. Мне не нравилось постоянно отвлекаться.

Лили выглядит взбешенной. Но я уверена, что ее острый язык испещрен следами зубов, потому что она больше не говорит ни слова. Вместо этого она начинает играть в «Змейку» на своем теперь бесполезном мобильном. Я заглядываю ей через плечо, зачарованная.

Бабушка как всегда проявляет интерес к нашим жизням и новостям. Истории немного меняются при каждом повторении, даже когда они настолько отрепетированы, как наши. Словно дети, они растут и превращаются во что-то новое, что-то с собственными идеями. Истории также лживые, но в этой семье мы все рассказчики. Бабушка начинает рутинный опрос со своего сына.

Не хотелось бы прозвучать недоброй, но любимой темой моего отца всегда был он сам. Он также очень любит пересказывать вещи, услышанные им по BBC Radio 4. Он интеллектуально неразборчивый человек, запикивающий чужими мыслями и делящийся ими, как своими. Выдает придуманное другими за что-то новое. Свои предложения он время от времени приправляет каким-то длинным словом, потому что не хочет, чтобы люди заметили его нехватку знаний или образования. Пианино было его первой и единственной любовью, а музыка – единственным предметом, который он действительно изучал. Сегодня вечером, как всегда, он с пылом и гордостью рассказывает о своем оркестре: о городах, где они побывали в последнее время, о музыкантах, с которыми он поработал. Моя мать закатывает глаза и непринужденно отмечает все оброненные им имена – утверждает, что никогда ни об одном из них не слышала.

– Как твоя ветклиника, Роуз? – спрашивает бабушка, меняя тему, словно в игре «передай другому».

– Еще держится.

– Впечатляюще, как ты построила такой успешный бизнес с нуля в твоем возрасте, но как *ты* держишься?

– Нормально, в тех редких случаях, когда не валюсь.

Роуз всегда могла сохранять спокойствие, когда доходило до обстрела вопросами.

– А как насчет тебя, Лили? Нашла работу?

Моя вторая сестра была безработной всегда. Она выживает на пособие по безработице – хоть никогда и не пытается найти работу – выплаты на ребенка и подачки от бабушки. Лили достает из кармана еще одну сигарету, обхватывает ее розовыми губами и подкуривает от одной из свечей на столе. Она якобы бросила курить на время беременности, но с тех пор бросила попытки бросить. Она делает глубокую затяжку, затем выдыхает дым и скуку на всех нас.

– Сейчас сложно найти работу, – говорит она, используя винный бокал как пепельницу.

– Всегда сложнее найти вещи, которые не ищешь, – бормочет отец и все глазект на него, включая Лили.

– Я отойду на минуту, – говорит она, вставая из-за стола и покидая комнату, предположительно чтобы проверить, как там Трикси, но также, несомненно, чтобы подуться наверху. Моя сестра всегда изображает из себя мученицу и устраивает больше истерик, чем ребенок. Я ожидаю от бабушки вопроса о том, волонтерствую ли я еще в доме престарелых – мое занятие, может, не захватывающее *или* приносящее деньги, но в доброте есть свои награды и я горжусь тем, что делаю. Но моя мать снова начинает атаковать отца, прежде чем разговор переходит на меня.

– Почему ты всегда так строг с Лили? Растить детей в одиночку нелегко, я-то знаю, – говорит Нэнси как только ее любимая дочь оказывается вне зоны слышимости. Если бы можно было убивать взглядом, мой отец давно бы оказался в морге. Я часто задумывалась, почему мать любит Лили больше всех. Возможно, потому, что видит в ней себя – как в ходячем зеркале молодости, показывающем ей, кем она была.

Отец пытается не клонуть на приманку, но плохие привычки тяжело побороть после тридцати лет практики.

– Она больше не *ребенок*, Нэнси. У нее самой есть дочь, хотя неудивительно, что она так часто об этом забывает, потому что ты взяла на себя роль матери для обеих.

– Ну, кто-то должен помогать детям. Если бы все мы пустились колесить по миру, следуя за мечтой, тогда...

– Помогать ей? Ты ее душишь, всегда так было. Неудивительно, что она так и не встала на ноги. Она стала такой из-за тебя.

– И какой же это?

– Самоуверенной, избалованной, эгоистичной, ленивой и безмозглой занудой, которая все еще ведет себя как ребенок, потому что ты так к ней относишься. Ее больше заботит свой внешний вид, чем родная дочь. И она все еще совершенно безответственно обращается с чужими деньгами, потому что она ни разу не подняла наманикюренного пальца, чтобы что-то заработать.

Лили появляется в дверном проеме.

Она явно слышала каждое слово.

Никто не знает, что сказать.

Последующая тишина не просто неловкая, она болезненная. Мы наблюдаем, как Лили проходит мимо кухонного стола к холодильнику, открывает дверцу, словно ища ответы внутри. Ничего не найдя, она откупоривает еще одну бутылку белого вина.

Во всех семьях есть конфликты. Либо между мужьями и женами, либо родителями и детьми, либо братьями и сестрами, это так же нормально, как смена дня и ночи. Но неразрешенные конфликты разрастаются в человеческих отношениях, как рак, и иногда это неизлечимо. Несмотря на все, у меня все еще есть некоторые счастливые воспоминания о всех нас, спрятанные в складках, разъединивших нас. Мы не всегда были такими, как сейчас. Мне больше всех жаль бабушку. Она так старалась создать чудесный вечер для всех и, как обычно, моя семья нашла способ его испортить.

– Кто хочет заранее полакомиться праздничным тортом? – спрашивает она со слабой улыбкой.

– Я! – Я поднимаю руку и пытаюсь развеять напряжение, хотя бы на это время.

Я замечаю, что Роуз едва говорила сегодня вечером. Она отвечает, если к ней обращаются, но коротко, сжато. Может, когда-то я и была самой маленькой, но я часто беспокоюсь о своей старшей сестре. Семьи, даже дисфункциональные, объединяет особый вид любви. Наша любовь похожа на тесную сеть из миллиона воспоминаний и общих впечатлений. Узлы этой сети крепкие, но есть и достаточно большие дыры, чтобы проскользнуть, если кто-то попадет в нее неправильно.

Погода снаружи ухудшилась, дождь стучит по окнам, а пламя свечей иногда подрагивает, когда завывает ветер. Моя мать и Роуз помогают убрать со стола, прежде чем бабушка приносит один из своих знаменитых домашних шоколадных тортов, и вынимает свои любимые креманки для шампанского из шкафчика. Они из двадцатых годов, что по ним видно. Отец оказывает честь, умело открывая бутылку, словно он делает это каждый день, и бабушка встает, держа свой бокал и выглядя так, будто собирается произнести речь.

– Я просто хочу поблагодарить всех вас, что приехали в Сигласс на празднование моего дня рождения. Для меня очень много значит видеть всю семью в сборе, и вы осчастливили старушку. Восемьдесят лет это важный для меня день рождения, и если хиромант в Лендс-Энд был прав, он может оказаться последним! Вы единственные люди, с которыми я бы хотела его провести. За семью Даркер, – говорит она, поднимая бокал.

– За семью Даркер, – повторяют все почти хором, прежде чем бабушка продолжает.

– Я также хочу поблагодарить Эми и Аду за наш сегодняшний вкусный ужин.

– Кто такие, черт возьми, Эми и Ада? Я думал, это она приготовила ужин, – шепчет отец Роуз, отпивая шампанского.

– Куры, – шепотом отвечает Роуз. Она назвала их в честь Эми Джонсон и Ады Лавлейс, двух женщин, вдохновлявших ее, помнишь?

Фрэнк чуть не давится, пока бабушка продолжает.

– К сожалению, Эми не стало в понедельник. А Ада умерла три дня спустя. Вот уж настоящая скорбь. Эта маленькая курочка умерла из-за разбитого сердца... – У меня такое ощущение, что все снова смотрят на меня при этих словах, и я опускаю взгляд на свои руки.

– Разве безопасно есть курицу, которой десять лет? – спрашивает моя мать, выглядя так, будто ее тошнит.

– Думаю, да, – отвечает бабушка. – В любом случае это безопаснее, чем прыгнуть со скалы. Кстати говоря, я не хочу быть самой богатой на кладбище, и я уверена, вы все хотите узнать, что случится после моей смерти. Я хочу, чтобы мы насладились оставшимся нам временем на этих выходных. Поэтому чтобы больше не держать вас в неведении, я решила поделиться сегодня с вами своим завещанием.

Семь

30-е октября 21:45 – меньше девяти часов до отлива

Если все внимание не было приковано к бабушке раньше, то теперь это точно так. Отец подается вперед, мать выпрямляется, Лили откладывает телефон, а Роуз прекращает складывать оригами птицу из своей салфетки.

– Это мое завещание, – говорит бабушка, кладя на стол конверт и разглядывая наши лица, словно запечатлевая их в памяти. – Мой юрист сегодня был свидетелем его подписания и забрал себе копию. Я обещаю, что я подумала обо всем этом и о вас очень тщательно, и я уверена, что это к лучшему. Прежде, чем я начну, я напомним вам о словах, которые написала в начале моей любимой книги: «Будущее это обещание, которые мы еще можем решать, сдерживать ли. Прошрое это уже невыполненное обещание». Я писала это серьезно, и я думаю, что настоящее – мой единственный шанс обеспечить этой семье будущее.

Она поворачивается к моему отцу: – Фрэнк...

– Да, мама?

– Я оставляю тебе свои часы, все восемьдесят, в надежде, что ты более мудро используешь оставшееся у тебя время.

У него отвисает челюсть, но бабушка продолжает, не дожидаясь его слов.

– Нэнси, моя любимая невестка, ты подарила мне троих чудесных внушек, за что я всегда буду тебе благодарна. Я оставляю тебе свою тележку для напитков. Как и ты, она теперь древняя, но все еще может выдерживать алкоголь. – Хотела бы я запечатлеть выражение лица моей матери; красивую смесь шока и бешенства. Мои сестры ухмыляются как непослушные школьницы, которыми были раньше, пока моя бабушка не поворачивается к ним. – Роуз, тебе я оставляю свои неопубликованные рисунки и кисти в надежде, что ты нарисуешь себе более счастливое будущее. Лили, когда я умру, все зеркала в этом доме станут твоими, я надеюсь, ты увидишь, во что ты превратилась.

Теперь уже никто не улыбается, включая меня. Я в ужасе жду следующих слов бабушки.

– Дейзи – единственный человек в этой семье, никогда не просивший у меня ни копейки, – говорит она, улыбаясь в мою сторону. – Я планирую оставить внушительную сумму ее любимым благотворительным фондам.

– Спасибо, – говорю я, а Лили кривится.

Я благодарна, правда, но признаюсь, я всегда втайне надеялась, что когда-нибудь Сигласс станет моим. Не думаю, что кто-либо в семье любит его так же сильно, как я. Бабушка отпивает глоток шампанского, прежде чем продолжить.

– Моя авторская прибыль будет продолжать идти в мои любимые благотворительные фонды до тех пор, пока на это будут средства. Я оставляю Сигласс в руках моей драгоценной правнучки. Надеюсь, мы все можем согласиться, что Трикси это будущее семьи. Мой дом будет удерживаться трастом для нее одной, пока она не повзрослеет, вместе с другой прибылью и будущими выплатами от издателей...

– Погоди минуту, – перебивает Лили, снова закуривая. Она затягивается и выдыхает облако дыма. – Ты оставляешь *все* моей дочери, *ребенку*, и *ничего* мне? Ты наконец-то окончательно тронулась.

Роуз улыбается ее взрыву. В отличие от остальных она кажется полностью безразличной и не оскорбленной.

– Не *все*, – вздыхает бабушка. – Лили, пожалуйста, перестань курить в моем доме. Прежде чем крохотные шестеренки в твоей голове попытаются крутиться – завещание предусматривает, что ты не получишь ни пенни из того, что достанется Трикси. Кроме того, я еще не умерла. Тебе надо научиться самой прокладывать путь в жизни, мир тебе ничего не должен, как и я. Но... обрадует вас это или нет, я начала работать над своей последней книгой.

– Ты годами не писала ничего нового, – говорит отец.

– Что ж, мне нечего было сказать. Но теперь у меня есть последняя история, которую я хочу рассказать. Она о дисфункциональной семье, похожей на нашу.

– Что? – говорит Нэнси.

– Ты написала о нас книгу? – спрашивает Лили.

– Я набросала несколько идей, – отвечает бабушка.

Отец невольно грохает бокалом по столу.

– Ну, я не думаю, что *это* будет продаваться. Я хочу знать *зачем*? Зачем приглашать всех нас сюда, если ты все это время планировала ничего нам не оставить? Я твой сын. Твой единственный ребенок...

– Пожалуйста, тише, – прерывает Лили. – Трикси уже спит наверху.

– Потому что будущее этой семьи и то, что я оставлю после себя, долго было в моих мыслях, – говорит бабушка.

Мне кажется, она собирается сказать что-то еще, но нет.

Она молча замирает с округленными глазами – вместе с остальными – когда мы слышим тоскливый перезвон колокольчиков снаружи и хлопок двери в другом конце дома.

Уже почти десять вечера.

Прилив.

Я вижу, мы все думаем об одном и том же. Невозможно пройти по перешейку в это время ночи, и никого больше не ожидается в Сиглассе этим вечером.

– Может, Трикси проснулась? – шепчет моя мать.

– И пошла погулять под дождем? Не думаю, – отвечает Лили.

По-моему все мы знаем, что это не мою племянницу мы слышим в коридоре.

Все с ужасом глазят на дверь кухни, слушая звук тяжелых приближающихся шагов. Мы коллективно задерживаем дыхание, когда дверная ручка начинает медленно поворачиваться.

Восемь

30-е октября 22:00 – восемь часов до отлива

Отец откидывается на стуле, Нэнси охает, Лили взвизгивает, а бабушка чертыхается, когда дверь распахивается. Пламя свечей на столе подрагивает, отбрасывая на наши лица зловещий узор, и только Роуз держит эмоции на коротком поводке в то время как в дверном проеме появляется мужчина. Свет из коридора подсвечивает его сзади, и у меня уходит несколько секунд, чтобы узнать фигуру человека, наложившего новую тень на этот вечер.

Конор входит в кухню. Мужчина, которого я тайно любила с детства, слишком давно оставался чужим. Я провела большую часть жизни в зале ожидания любви, где меня не замечали те, чьего внимания мне хотелось. Другим как будто так просто это дается – у Лили никогда не было проблем с привлечением внимания противоположного пола – но я всегда была немного неловкой. Я никогда не знаю, что сказать или сделать, когда мне кто-то нравится, поэтому обычно я вообще ничего не говорю и не делаю. И все же никто здесь не одобрил бы моих отношений с Конором. В каждой семье есть черная овца, а с фамилией вроде Даркер⁷, кажется весьма справедливым, что в нашей она не одна. Я собираюсь что-то сказать, думаю, как и каждый из нас, но бабушка всех опережает.

– Добро пожаловать, Конор. Я не знала, появишься ли ты.

– Ты его пригласила? – спрашивает моя мать.

– Может, Конор и не из Даркеров, но он часть семьи, – говорит бабушка.

– Это как посмотреть, – говорит отец, уставясь в стол.

Конор игнорирует его слова: – Я пытался позвонить, предупредить об опоздании – я застрял на работе – но у тебя что-то не так с телефоном.

– Да. Он все время звонил, поэтому она его отключила, – говорит Лили, делая еще один большой глоток шампанского, словно это лимонад.

– Ну, я хотел прийти, – говорит он.

Лицо бабушки загорается как новогодняя елка. Она всегда обожала Конора, как и все женщины в этой семье в какой-то момент. Мужчина, которого я теперь вижу у двери – выглядящий немного потерянным – напоминает мне мальчика, каким он был во время нашего знакомства. От некоторых воспоминаний нельзя убежать.

Мы впервые увидели девятилетнего Конора Кеннеди с ведром и лопатой в один жаркий летний день. Он сидел один на нашем – как мы считали – пляже, как раз напротив Сигласса. Он как будто вторгся на нашу территорию. Бухта Блексэнд это общественная часть береговой линии, но никто никогда не навевывается на эту полоску черного песка. Сюда слишком сложно добраться, не карабкаясь по скале, и кругом достаточно знаков об опасности плавания в море. Я не верю в любовь с первого взгляда, но *что-то* с первого взгляда случилось с женщинами нашей семьи в тот день. Со всеми.

Мне было четыре, Лили – восемь, Роуз – девять. Мы жили в своем мире в летние месяцы, проведенные в Сиглассе, пока мой отец был слишком занят, путешествуя по настоящему. Нэнси привозила нас в июле и появлялась в августе, оставляя нас с бабушкой на все недели между этим. В редких случаях, когда мы осмеливались спросить, куда отправилась мать, оставив нас, ответ всегда был один и тот же: в другое место. Мои сестры скучали по ней больше, чем я. Но я всегда любила Сигласс, это единственное место, которое было для меня домом.

⁷ В переводе с *англ.*: darker – темнее.

Незнакомцы были странным зрелищем в бухте Блексэнд. В тот день мы остановились и уставились на него, включая бабушку, на этого идеального мальчика, сидящего на нашем пляже. Настолько не на своем месте, что он отлично вписывался. Лили заговорила первой, как обычно.

Это были слова не шекспировского уровня, но все мы хотели задать этот вопрос: – Ты кто?

Мальчик невозмутимо взглянул на нас.

– А тебе какая разница?

– *Мы* тут живем. – Руки Лили сжались в кулаки и уперлись в бока.

На вид ему было столько же, сколько Роуз, но вел он себя намного взрослее. Он отряхнул ладони от песка и скопировал позу Лили.

– Да? Ну, я тоже здесь живу.

Он достал йо-йо из кармана и начал играть с ним, не сводя с нас взгляда.

После этого все немного туманно. Иногда наши воспоминания сами изменяются.

Бабушка сократила расстояние между мальчиком и нами, оставив нас позади. Она заметила синяки на его шее, мешки под глазами; детали, которые учишься интерпретировать с возрастом. Она спросила, где он живет, и он объяснил, что они с отцом недавно въехали в коттедж на берегу.

– А твоя мама? – спросила она.

Девятилетний Конор уставился на нее, а йо-йо подпрыгнуло еще несколько раз, прежде чем он решил, как ответить.

– У меня больше нет мамы.

– Наши родители тоже всегда не с нами, – сказала Лили, неправильно поняв.

Бабушка пригласила Конора попить с нами лимонада, она хотела позвонить его отцу и сообщить, что мальчик в порядке. Тогда все было по-другому; дети не знали, что им нужно опасаться незнакомцев, предлагающих им прохладительный напиток в жаркий день. Конор согласился. Иногда я об этом жалею. Я помню, как он впервые прошел с нами по перешейку, все еще играясь с йо-йо, будто от этого зависела его жизнь. Он был официально самым захватывающим существом, которое встречалось четырехлетней мне.

Наши новые соседи жили в миле от нас, но это недалеко, когда ты ребенок, ищущий друзей. Конору не с кем было играть, а сестер редко удовлетворяет компания друг друга, когда появляется кто-то поинтереснее. Он стал постоянной частью нашей жизни, и я думаю, я влюбилась в него еще в тот день. Мне нравился вкус его имени на языке натоолько, что я шептала его в дни, когда он не приходил. Будто перекусывала между трапезами. Та случайная встреча с Конором и его йо-йо изменила мою жизнь навсегда.

Мы проводим молодость, строя песчаные замки амбиций, а потом смотрим, как жизнь заносит песком сомнений наши заботливо слепленные башенки мечтаний и желаний, пока мы больше не можем их разглядеть. Мы учимся довольствоваться плоскими жизнями, существуя в тюрьме компромиссов. Испытываем облегчение, что окна мира, с которым мы смирились, недостаточно большие, чтобы выглянуть наружу, потому что нам не нужно смотреть на замки фантазий о том, кем могли бы стать.

В мире существует два типа привлекательных людей: те, кто об этом знают, и те, кто этого не понимают. Конор Кеннеди это знает. Его привлекательность дала ему непоколебимую уверенность, которой обладает лишь малое количество смертных, а страх поражения ему не знаком. Он носит свою щетину как маску, всегда одевается в потрепанные джинсы со строгими рубашками, а его светлые волосы достаточно длинные, чтобы прикрыть его голубые глаза, когда спадают ему на лицо. Он не похож на журналиста, но именно им он является. Ему под сорок и у него зависимость от работы.

Сегодня белая хлопковая рубашка Конора липнет к его груди, а у его ног уже сформировалась небольшая лужа воды. Он выглядит, будто он плыл сюда с материка, но это невозможно – мы давно усвоили, что буйные приливы здесь опасны.

Мой отец – внезапно протрезвевший – задает интересующий всех вопрос: – Как ты сюда добрался?

– На лодке, – говорит Конор.

– На лодке?

– Да, это такое фантастическое изобретение, на котором можно плавать по морю, – говорит бабушка. – Теперь почти и продукты мне тоже доставляют на лодке раз в неделю. Чтобы мне не приходилось ехать на велосипеде в город или беспокоиться о приливе...

– Но, полагаю, они не делают доставку после десяти вечера в шторм, а? – перебивает отец, с прищуром глядя на Конора, как комедийный злодей, не имеющий чувства юмора. – На какой лодке?

– С веслами, мистер Даркер.

– Ты приплыл сюда на гребной лодке в шторм и в темноте?

– Да. Мне жаль, что я опоздал. Я задержался на работе из-за убийства. – Это звучало бы странно из уст большинства людей, но Конор работает репортером, освещающим преступления на ВВС. Его журналистский пропуск все еще болтается у него на шее. – Я одолжил небольшую лодку у старого друга – Гарри из рыбной лавки. Шторм не такой серьезный, как кажется, и не то чтобы я раньше не переплывал бухту Блексэнд на лодке. У меня такое чувство, что я вас прервал, и не хочу портить вечеринку, но могу ли я подняться наверх и переодеться во что-то сухое?

– Конечно, – говорит бабушка. – Мой день рождения наступит только завтра, я просто рада, что ты подрос к нему. Пока ты не ушел... я нашла кое-что, принадлежащее тебе. – Она подходит к боковому шкафу, открывает дверцу и достает старый Polaroid. Он похож на антикварный экспонат из музея, но я помню его еще совсем новым. – Ты не против быстренько нас сфотографировать? Кто знает, когда мы снова соберемся все вместе?

Конор берет у нее камеру, мы – нерешительно – склоняемся ближе, и он делает снимок, прежде чем передать белый квадратик бабушке. Она прикрепляет его к своему старому холодильнику магнитом в форме клубнички, хоть снимок еще не успел проявиться.

– Спасибо, Конор. Полагаю, тебе лучше всего переночевать в комнате Дейзи. Она единственная, где есть свободная кровать. Если только... это не слишком...

– Я не против, – говорю я, немного поспешно. Мысль о том, чтобы спать в одной комнате с Конором порождает маленькую фантазию у меня в голове, возникшую и раньше. Лили кривится, но я не обращаю на нее внимания.

– Меня это устроит. Мы все взрослые. Это просто место для ночлега, – говорит Конор, и моя фантазия сдувается. Нельзя заставить кого-то влюбиться. Я не так много знаю, но в этом уверена. Остальные обмениваются взглядами, которые я решаю проигнорировать.

– Ты помнишь, где она находится? – спрашивает бабушка.

– Я уверена, Конор помнит о Дейзи все, – говорит Роуз.

Это один из немногих раз за вечер, когда она заговорила, и ее слова ощущаются как пощечина.

Я выхожу из-за стола и покидаю кухню, Конор следует за мной. Я не против разделить с ним комнату, если он согласен; когда-то он был мне как брат. Я не говорю ни слова пока мы идем по коридору и мимо чулана под лестницей. Меня когда-то в нем заперли, поэтому я обхожу его стороной.

Сама лестница довольно величественная, и уникальная, потому что вся стена возле нее украшена нарисованным от руки генеалогическим древом. Изогнутые временем ветви тянутся по потрескавшейся штукатурке от пола до потолка. Это сделала бабушка – естественно – про-

иллюстрировав наши жизни, как свои книги; еще одна история. Мы все там есть, свисаем с хрупких веточек. Она нарисовала нас в стиле всех своих книг, используя черные чернила и ручки с кистями разных размеров. Иногда – если она в «настроении» она рисует контуры персонажей тростинкой. Потом, когда чернила высыхают, она раскрашивает их акварелью. Ей нравится изображать людей, места и вещи такими, как *она* их видит, что редко соотносится с представлением тех, кого рисуют. Все ее персонажи такие же неидеальные, как и мир, где они живут, но дети *обождают* их, может, из-за честности, прослеживающейся в словах и картинках. Другие авторы детских книг смягчают свои истории в попытке показать мир менее пугающим. Но бабушка всегда писала правдиво, и читатели ее за это любят.

Миниатюрные лица прошлых и нынешних членов семьи Даркер, нарисованные в гигантских черных листьях дерева, постоянно смотрят свысока на все наши ошибки. Это нагоняет на меня всеобъемлющую тоску; мысль, что когда-то я не смогу навещать это место по желанию. У всех нас корни уходят в эту семью и дом. Не думаю, что кто-то из нас способен просто от этого отречься.

Мы с Конором поднимаемся по скрипучим ступенькам на второй этаж, и только когда мы подходим к двери моей спальни, закрываем ее за собой, я шепчу: – Зачем ты сюда приехал?

У дальней стены моей детской спальни стоит металлическая кушетка цвета слоновой кости. Бабушка купила ее с рук, чтобы спать здесь, когда боялась оставить меня одну на случай, если мое сердце остановится посреди ночи. Иногда я просыпалась и видела, как она смотрит на меня, шепча слова, которые я не могла разобрать. Конор ставит свою сумку на кушетку, словно помечая территорию, затем начинает снимать свои мокрые вещи, отвернувшись от меня. Я сажусь на самый край своей кровати и отворачиваюсь. Может, делить комнату все же было не такой хорошей идеей. Мне требуется много смелости, чтобы спросить:

– Мы могли бы поговорить о случившемся?

Но Конор не отвечает. Между нами уже давно так. Как бы я ни сожалела, он не забывает, как и мои сестры. Я знаю, он бы предпочел больше никогда меня не видеть, но я все равно рада, что он решил приехать в эти выходные ради бабушки. Случившееся точно не было ее виной.

Остаток вечера в лучшем случае размытый. Я устала, но в последнее время я не сплю, а атмосфера в доме кажется еще более загрязненной, чем раньше. Мы слышали, как остальные решили свернуться и тоже пойти спать, почти сразу после нашего ухода. Спальня бабушки самая большая в доме, находящаяся в задней части, и она шепотом желает мне спокойной ночи, проходя мимо. Лили с Трикси занимают комнату, где раньше жили Лили с Роуз. Моя мать поднимается последней. Я узнаю это по ее приглушенному разговору с кем-то на вершине лестницы.

– Уберемся отсюда на рассвете. Я знала, что старая ведьма не оставит нам ни пенни.

Я подслушиваю у двери, когда она крадется по коридору к гостевой спальне, где раньше спала с моим отцом. Роуз осталась внизу, решив спать на диване в библиотеке. Отец тоже предпочел остаться на первом этаже, заперевшись в музыкальном зале – убежище своего детства. Ему всегда нужно раствориться в музыке, когда настоящий мир становится слишком громким.

Но в Сиглассе больше не шумно, дом вернулся к своей особой тишине.

Я слышу море за окном, а также медленное, размеренное дыхание Конора. Я знаю, что он еще не спит. Оставаясь совершенно неподвижной и тихой, я улавливаю, как он встает и крадется через комнату к своему ноутбуку на столе в углу. Здесь нет интернета, но похоже Конор не может устоять перед работой. Он стал трудоголиком, получив работу репортера BBC. Может, потому, что когда с трудом чего-то добиваешься, иногда ты живешь в страхе утратить это.

Он прокрадывается из комнаты – предположительно в туалет дальше по коридору – и пока его нет я встаю, прохожу по изношенному ковру в его часть спальни и вглядываюсь в экран компьютера. Передо мной явно не работа, а что-то похожее на поэму. Что странно, потому

что Конор никогда не баловался художественной литературой или чем-либо творческим, ему нравится иметь дело только с фактами. Или, по крайней мере, нравилось.

Я слышу шаги в коридоре, где поскрипывающий пол докладывает обо всех, кто не в кровати, и мне нужно торопиться. В ребяческой попытке привлечь внимание Конора и разрядить неловкость между нами, я печатаю хэллоуинское послание указательным пальцем. Я не могу нормально печатать и ужасно справляюсь с современными технологиями, но я улыбаюсь про себя, когда на экране появляются буквы.

Буу!

Потом я возвращаюсь на свою половину, наблюдаю и жду. Вернувшись, Конор таращится на слово, потом оборачивается, хмурясь в мою сторону. Я бы хотела, чтобы он что-то сказал, *что угодно*, но, как обычно, он молчит. Конор перестал разговаривать со мной примерно в то время, что и Роуз, и никакие мои слова или действия этого не меняли. Иногда его пристальный взгляд, прикованный ко мне, кажется болезненным. Я как слово, которое ему удастся прочитывать, или пазл, не поддающийся разгадке, вроде кубика Рубика, который он не мог решить в детстве, сколько бы ни поворачивал. Конор ложится на кушетку и без единого слова отворачивается лицом к стене. Я же отворачиваюсь от охватившего меня разочарования, гадая, почему он все еще не видит меня нынешнюю, или не говорит о произошедшем. Никто не может убежать от своей тени, но он всегда был намерен попробовать.

В этой части дома холодно, я дрожу на другом конце комнаты, лежа на своей кровати. Я моргаю в темноте, слушая дыхание Конора, пока он снова притворяется, что спит. Потолок усеян звездной галактикой. Это флуоресцентные стикеры, им почти столько лет, сколько мне. Думаю, они будут светиться еще долго, когда меня не станет, совсем как звезды в небе, и иногда кажется, что никто в семье не заметил бы моего исчезновения. Иногда я думаю, они жалеют о моем рождении. Я закрываю глаза, по щеке стекает единственная слеза, капая на подушку.

Через какое-то время я слышу шум внизу. Я никогда не спала крепко, я даже не уверена, спала ли только что. Знаете этот кошмар, когда людям снится, что они падают? Мне он видится *все* время. Взглянув на часы в комнате, я вижу, что уже почти полночь. Как только стрелка доходит ровно до двенадцати, до меня доносится ужасный вопль.

Девять

31-е октября, полночь – шесть часов до отлива

Крики прекращаются.

– Ты это слышал? – шепчу я, но Конора нет в комнате.

Я поспешно выбегаю из комнаты, спускаюсь вниз, пересекаю коридор и оказываюсь на кухне. Моя племянница стоит посреди комнаты в розовой пижаме, из-за которой выглядит младше своих лет. Трикси плачет. Опустив взгляд, я понимаю причину.

Бабушка лежит на полу в белой хлопковой ночнушке. Ее глаза закрыты, кожа посерела, на голове виднеется большая рана и лужа крови под ней. Поппинс лежит возле нее и ни одна из них не двигается. Стул перевернулся, словно она стояла на нем и упала. И я вижу кровь на духовке, где она, вероятно, ударилась головой. Все в комнате замирает и затихает, секунды тянутся словно минуты. Даже море с дождем внезапно притихли, когда я оглядываю сцену, будто мой мир поставили на паузу. Звук рыданий Трикси снова проигрывается у меня в ушах. По ее щекам катятся слезы, и я бросаюсь к ней.

– Тихо, тихо, все хорошо. Просто расскажи, что случилось, – говорю я Трикси, опускаясь на пол рядом с бабушкой, стараясь не прикасаться к ней и не ухудшить ситуацию. – Бабуля, ты меня слышишь?

Она не двигается, но Поппинс поднимает на меня грустные глаза и начинает скулить.

– С ней все будет хорошо, девочка. Нам просто нужно сохранять спокойствие...

– Какого черта здесь происходит? Почему ты не в кровати и к чему эти вопли? – спрашивает Лили, врываясь в промозглую кухню в одной розовой шелковой ночнушке. Ее дочь подбегает к ней. Большинство подростков это дети, притворяющиеся взрослыми, но моя племянница еще во многом ребенок.

– О, Боже, – говорит Лили, видя тело бабушки. – Она...?

– Не знаю, – шепчу я.

– Что случилось? – спрашивает Роуз, появляясь из ниоткуда полностью одетой, будто спала в одежде. – Отойдите, дайте я посмотрю.

– Зачем? – спрашивает Лили. – Ты не врач. – Лили подходит на шаг ближе к бабушке, и Поппинс начинает рычать. Я никогда не видела и не слышала, чтобы эта собака себя так вела.

Роуз встает между ними: – Все в порядке, Поппинс, мы просто пытаемся помочь бабушке. Ну же, девочка. Подвинься. – Поппинс слушается, словно поняла каждое слово, и наблюдает с короткого расстояния, склонив голову и тихо скуля.

Роуз осторожно прощупывает пульс, но мне не нужно быть врачом – или ветеринаром – чтобы знать, что это плохо. Рана у бабушки на виске выглядит глубокой, она потеряла много крови, и мне приходится отвести глаза когда я вижу что-то похожее на серое вещество в красной луже на полу. Я видела такой же серый оттенок кожи на лицах слишком многих жильцов дома престарелых, где я волонтерствую, и, боюсь, знаю о чем это говорит.

Конор появляется на пороге – полностью одетый, как Роуз – и я задумываюсь, почему он так долго спускался и где был. Лили отворачивается от него и пытается успокоить Трикси. Тогда-то я замечаю руки бабушки, сжатые в кулаки по бокам. Одной она держит экземпляр «Маленького секрета Дейзи Даркер». В другой зажато что-то вроде сигареты, но, взглянув ближе, я вижу кусок мела. Я вглядываюсь в черную стену в задней части кухни. Рецепты и наброски стерты. Вместо них на доске выведена поэма, прямо как в популярной книге бабушки

обо мне. Но слова изменены. Книга начинается строкой: «Родные Дейзи Даркер милее других были». Но поэма мелом на стене сильно отличается.

– Смотрите, – говорю я, и все поворачиваются прочесть ее один за другим.

*Родные Дейзи Даркер темнее других были.
Когда одна умерла, вся семья солгала,
на смерть глаза они закрыли.*

*Бабуля Дейзи Даркер хоть старше,
но не мудрее их.
От ее завещания всех замутило,
этим смерть она себе заслужила.
Отец Дейзи Даркер всю жизнь
под свою песню плясал.
Его эгоизм, его пианино,
свели его в гибельную трясицу.*

*Мать Дейзи Даркер была актрисой
с сердцем изо льда.
Не всех детей своих любила,
роль потерять она заслужила.*

*Сестра Дейзи Даркер, Роуз, была старшей из трех.
Тихой, красивой и умной, но умрет она одинокой.*

*Сестра Дейзи Даркер, Лили,
была самой тщеславной из них.
Эгоистичной, избалованной, самодовольной
ведьмой, смерти достойной.*

*Племянница Дейзи Даркер
была развитым не по годам ребенком.
Но и неспособным выжить
в дикой природе брошенным утенком.*

*Тайную историю Дейзи Даркер
кто-то должен был рассказать.
Но ее сломанное сердце – лишь начало
того, что нужно узнать.*

*Семья Дейзи Даркер лгала
слишком много лет напролет.
Свои последние часы перед смертью
они провели, получая свое.*

Должно быть, бабушка писала это, когда упала.

– Зачем ей писать такие ужасные вещи о нас? – спрашивает Лили. Роуз и Конор таращатся на поэму, но у них нет ответа на вопрос. Никто из нас не знает, что сказать или сделать. Лили, которой всегда неуютно в тишине, снова заполняет ее своим голосом.

– Я только что поняла, что это Хэллоуин, – говорит она со слабой улыбкой. – Может, это какой-то розыгрыш?

Это правда, бабушке всегда нравилось разыгрывать нас в Хэллоуин. Он был ее любимой ночью в году по ряду причин. Она верила в древние кельтские истоки празднования и напоминала нам о них каждый год на свой день рождения. Кельты, жившие в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе больше двух тысяч лет назад, верили, что тридцать первого октября открывается портал между мертвыми и живыми, позволяя большинству душ вернуться на землю. Бабушка всегда верила в призраков, но считала, что они ходят среди нас только в это время года.

– Помните, когда бабушка учила нас играть в «кошелек или жизнь»? Зажигала кучу свечей, пугала нас своими страшными историями? – говорит Лили, словно ожидая, что бабушка сядет и рассмеется над нашей наивностью.

– Это не розыгрыш, – говорит Роуз, вытирая редкую слезу со щеки. – Она мертва.

Бабуля

*Бабуля Дейзи Даркер хоть старше,
но не мудрее их.
От ее завещания всех замутило,
этим смерть она себе заслужила.*

*Бабуля говорила, свою семью она любила,
но так бывало не всегда.
Старуха таила горечь и злость,
о чем не догадывались они никогда.*

*Она хотела, чтоб сын ее родился девочкой
или не рождался вообще.
Сначала внучки вернули надежду,
но вскоре она оказалась на дне.*

*Первая слишком умна, вторая слишком глупа,
на третью надежды она возложила.
Но ребенок родился со сломанным сердцем,
а справиться с этим ей было не под силу.*

*Бабуля жила с одной лишь собакой,
в сетях одиночества.
И смерти приближения опасалась
из-за давнего пророчества.*

*Как время пришло, никто не знал,
кого винить, когда нашли ее с головой разбитой.
Было сложно скорбеть по такой злой карге;
но кто-то был рад найти ее убитой.*

Десять

31-е октября 00:15 – меньше шести часов до отлива

– Кто ее нашел? – спрашивает Роуз, оглядывая всех, пока не останавливается на Трикси. – Это была ты? – Роуз лучше умеет общаться с животными, чем с детьми, и Трикси снова разражается слезами. Она выглядит такой маленькой и ранимой в своей розовой пижаме. Меня охватывает непреодолимое желание обнять ее, когда она снимает очки и вытирает другой рукой слезы. – Можешь рассказать, что случилось? – спрашивает Роуз, меняя тон, и Трикси пытается отвечать между всхлипываниями.

– Я спустилась за стаканом воды. Бабуля была... на полу. Когда я ее потрогала... она была холодной. Когда я ее позвала... она не ответила. – Ее опять охватывают рыдания.

– Нам нужно вызвать полицию, – говорит Конор.

– На кой черт? – спрашивает Лили. – И так очевидно, что случилось.

– Неужели? – парирует он.

– Да. Стул опрокинулся. Она явно стояла на нем, когда писала свои чокнутые стишки на доске, должно быть, она поскользнулась.

– Не думаю, что в этом можно быть уверенными, – отвечает Конор.

– Ну, я знаю, что ты репортер, а не детектив, и тебя вообще никто не спрашивал, – говорит Лили. – Это семейное дело. Ты не член семьи и я даже не понимаю, что ты здесь делаешь. – Это грубо даже для нее.

– В данный момент я раздумываю, почему небезразличная мне пожилая женщина лежит на полу выглядя, словно кто-то проломил ей голову тупым предметом. – Он поворачивается к Роуз. – А *ты* что думаешь?

Она разглядывает кухонную плитку, будто не может посмотреть ему в глаза.

– Я думаю, что бабушка только что умерла и я очень расстроена. Уверена, и вы тоже. Как сказала Лили, я ветеринар, а не врач. – Теперь она сверлит его взглядом, и, видя выражение ее лица, я рада, что я не Конор. – Сейчас не время для твоих теорий заговора или безумных обвинений. Бабушка всегда была добра к тебе; приняла тебя в свой дом и нашу семью. Попытайся проявить немного уважения и сочувствия, если ты не забыл, как это делать.

Роуз отворачивается от него и обнимает Лили с Трикси, которые обе теперь плачут. Я подхожу к ним, будто молча выбирая сторону.

– Я буду так по ней скучать, – говорю я, не представляя себе жизни без бабушки.

– Мне просто не верится, что ее больше нет, – говорит Лили.

– Знаю. – Роуз прижимает ее крепче. – И я не могу, но она прожила долгую и счастливую жизнь, а мы с этим справимся. Кому-то надо рассказать отцу. – Роуз всегда воспринимала семью как проблему, не имеющую очевидного решения, проблему, которую не может решить. Когда никто не отвечает и не двигается, она вздыхает. – Видимо, это буду я.

Мы провожаем ее взглядами, но она останавливается в коридоре у двери в музыкальный зал, где решил спать мой отец. Голова Роуз так же выпрямлена, как ее рубашка. Она смотрит в пол и я почти вижу колебания в ее голове. Музыкальный зал был одним из мест, где нам не разрешали играть в детстве. Роуз медлит, прежде чем постучать, как маленькая девочка, которая боялась, что на нее накричат за вмешательство в папину работу.

Она стучит и мы ждем, но ответа нет.

Она снова стучит, а затем осторожно поворачивает ручку и распахивает дверь.

– Пусто, – говорит она, оборачиваясь на нас. – На диване никто не спал. Ни отца, ни его вещей здесь нет.

Лили торопливо подходит и берет Роуз за руку, совсем как в детстве.

– Я знаю, бабушка и завещание его расстроили, но ты же не думаешь...

– Давайте попытаемся на делать поспешных выводов, – говорит Роуз, хоть я уверена, мы уже перебрали по несколько. – Я найду простынь, чтобы прикрыть тело, я хочу запомнить ее при жизни. Может кто-нибудь подняться и разбудить Нэнси?

Я вызываюсь и Конор идет со мной. Полагаю, он просто не хочет оставаться наедине с моими сестрами, но я рада его обществу. Дом больше не кажется мне прежним, словно он скорбит. Сигласс стал тише, холоднее, неподвижнее. Я слышу лишь тиканье часов в коридоре и мягкий шум волн, накатывающихся на камни. Будучи маленькой, я представляла, как море просачивается сквозь трещины в стенах, двери, окна, вливается в дымоход, когда мы спим, пока Сигласс не заполнится водой до самого потолка, а мы будем болтаться в ней, запертыми внутри. Я представляла много разных скверных вещей, которые могли бы случиться с моими родственниками в этом доме, но только по ночам. Может, я больше не ребенок, но я до сих пор боюсь темноты. Конор останавливается на верхней ступеньке лестницы и я замечаю мел на его джинсах. Он тоже это видит и пытается его отряхнуть. Я ничего не говорю.

Дверь спальни моей матери в дальнем конце коридора немного приоткрыта. Я замираю, понимая, что у меня просто нет слов для этой ситуации. Конор, словно почувствовав мои сомнения, выступает вперед и прочищает горло. Он очень осторожно стучит, но дверь чуть больше приоткрывается и даже в темноте мы видим чью-то фигуру в кровати. Я не понимаю, как кто-либо мог проспать крики Трикси, но моя мать всегда крепко спала. Всегда не меньше восьми часов за ночь, потому как считает, что меньше сна может навредить ее коже. Хорошего долгого сна она добивалась с помощью таблеток и алкоголя.

– Нэнси? Извини, что беспокою... – говорит Конор.

– Что? Кто это? – доносится голос из темноты. Но это не моя мать села в кровати. Это мой отец, похоже, не меньше нас удивленным своему присутствию там. Через несколько секунд Нэнси тоже садится, снимая маску для сна и вынимая беруши, а затем щурится в нашем направлении. Увидев отца рядом с собой, она практически выпрыгивает из кровати.

– Все не так, как выглядит, – шепчет она нам.

– Именно так, – вздыхает отец, обхватывая голову руками.

Я онемела от мысли о моих разведенных родителях, спящих в одной постели.

Конор снова покашливает: – Случилось несчастье... и я думаю, вам лучше спуститься в кухню, когда вы... – Я боюсь, что он скажет «оденетесь». – Будете готовы, – произносит он и мы оставляем их.

Внизу на кухне настроение сменилось с недоверия на страх. Бабушку прикрыли чем-то вроде красной с белым скатерти, а мои сестры разглядывают поэму о нашей семье.

– Мел был у нее в руке, – говорит Роуз.

Бабулин почерк очень красивый и выразительный, все поэмы в ее детских книгах она писала чернилами от руки. Когда-то я пыталась писать так же, наклонными и соединенными буквами, но у меня никогда не получалось хорошо. У бабушки было на это объяснение, как и на все остальное: – Конечно, у всех нас разный почерк. Как отпечатки пальцев или ДНК, он напоминает нам, что мы индивидуальны. Наши мысли и чувства принадлежат нам и они уникальны. Я не вижу мир в точности как ты и это нормально, мы не созданы, чтобы всегда думать и чувствовать одинаково. Мы не овцы. Соглашаться с кем-то это выбор, попробуй это запомнить. Не трать жизнь попусту, стремясь быть как кто-то, реши, кто ты, и будь собой.

– Не думаю, что поэму написала бабушка... – говорю я. – Это не похоже на ее почерк. Может, кто-то просто хотел сделать вид...

– Невозможно точно сказать, кто это написал, – перебивает Роуз.

– Но зачем бабушке писать *такое*? – спрашивает Лили. – И если она всех нас так ненавидела, зачем вообще приглашать нас сюда?

– Я не развита не по годам, – говорит Трикси, моя одаренная и чудесная племянница, глядя на строки о себе. Я почти испытываю облегчение, когда мои родители входят в комнату, смахивая на парочку подростков, застуканных за гаражом.

– О, нет, – говорит отец, бросаясь к бабушке и откидывая ткань, которой ее прикрыли. Его реакция выглядит наигранной, и собака снова начинает рычать.

– Все будет хорошо, Фрэнк, – говорит моя мать, становясь рядом с ним, все еще в своей черной шелковой пижаме. Сочетающаяся черная маска, без которой она не может спать, тоже все еще на ней. – Мы справимся с этим вместе. – Это странные слова от нее учитывая, что они провели порознь последние двадцать лет. Я задумываюсь, не пьяна ли она до сих пор.

Мы смотрим, как мои родители обнимаются перед нами впервые с 1988-го. Люди держатся друг за друга крепче, если им кажется, что реальность от них ускользает. Момент начинается прерывает плачущая девочка.

– Я хочу *домой*, – всхлипывает Трикси.

– Почему бы тебе не посмотреть телевизор в гостиной? – говорит Лили. Телевидение всегда было заменой родителям в доме моей сестры, но она раздражается, когда Трикси поворачивается ко мне за утешением.

– Все будет хорошо, я обещаю, – говорю я, задумываясь, правда ли это. – Очень грустно, что бабушка умерла, и мы все будем по ней скучать. Ты иди к телевизору, а я подойду через минуту. – Люди склонны видеть то, в чем нуждаются, и слышать, что хотят, по моему опыту. Трикси кивает, снова вытирая слезы рукавом розовой пижамы и покидая комнату.

Как только она исчезает, обсуждение поэмы на стене продолжается. Я слушаю перепалку остальных о ее значении и о наших дальнейших действиях, не удивляясь, что никто не интересуется моим мнением. Как самая младшая в семье, я привыкла, что никого не волнуют мои мысли. Я немного погружаюсь в мысли и замечаю восемь вырезанных овощей, все еще лежащих на кухонном столе. У них такие жуткие мины, на которые бабушка явно потратила много времени. Среди них тыквы, кабачки и редька, потому что ей всегда нравились хэллоуинский фольклор и традиции больше, чем коммерческая версия ее любимого дня.

Каждый год в нашем детстве она помогала нам вырезать тыквы, рассказывая историю их происхождения и миф о Жадине Джеке. Ирландская легенда гласит, что жадиня пригласил дьявола выпить, но потом отказался платить за напитки. Это была уловка, одна из многих, которые Джек проворачивал с Дьяволом до самой своей смерти. Но затем Бог не впустил Джека в Рай, а Дьявол – утомленный его уловками – отказался впускать его в Ад. Поэтому Джек был обречен обитать в Чистилище, имея лишь горящий уголек внутри старой репы, подсвечивающий ему путь в темноте. Полагаю, в какой-то момент истории репы превратилась в тыкву, но с другой стороны, все истории, рассказываемые довольно часто, меняются и искажаются со временем. Именно из-за Жадины Джека мы вырезаем тыквы и ставим в них свечи на Хэллоуин. Один из моих лучших талантов это знать по чуть-чуть о многих вещах, и бабушка научила меня почти всему. Она говорила, что мораль легенды – самому расплачиваться за все в жизни или быть обреченным на вечный мрак и одиночество.

– Она явно была недовольна нами, – говорит моя мать, вырывая меня из транса. – Думаю, вчера вечером это было очевидно. Я уже долгое время задумывалась, не страдает ли бабушка от *деменции*. Эти... – она указывает на поэму, не глядя на нее, – ...оскорбления совсем на нее не похожи. Может, она просто разволновалась и...

– Что? Разволновалась, написала поэму и умерла? – спрашивает Лили.

– Это может оказаться скрытым благословением, – говорит Нэнси.

– Как ты можешь такое говорить? – спрашиваю я, дрожа от ярости.

Мать игнорирует меня: – И эта демонстрация... *деменции*, в сочетании с ее странным поведением прошлым вечером... может означать, что ее завещание попросту нельзя воспринимать всерьез. Если она была не в себе во время написания...

– Она не была не в себе, она просто озвучивала свои мысли, – говорит Роуз.

Нэнси бросает на нее гневный взгляд.

Прежде, чем они успевают начать спорить, мы все замираем, слыша в отдалении голос бабушки.

– Настало время тебе встретиться с остальными Даркерами, моя дорогая.

Одиннадцать

31-е октября 00:30 – пять с половиной часов до отлива

– Не злись, – говорит Трикси Лили, когда мы все набиваемся в гостиную. – Я *пыталась* посмотреть телевизор, но включилось это. – Она указывает на древний деревянный шкаф с телевизором и я замечаю старый проигрыватель видеокассет. Она так и не перешла на DVD, как и отказывалась слушать музыку на чем-либо кроме виниловых пластинок на своем музыкальном автомате пятидесятых годов. Ретро телевизор все равно редко работал – особенно в шторм – поэтому в детстве нашим единственным развлечением в гостях у бабушки была ее коллекция кассет. Вероятно, поэтому мы проводили столько времени на улице. Я помню выставленные на полке домашние записи, которые заметила прошлым вечером, и мы все видим, что они исчезли. Полка пуста. На экране я вижу лишь мигающее изображение младенца, пока Лили не отбирает у своей дочери пульт и не запускает видео.

Экран заполняет лицо бабушки крупным планом, но она выглядит на тридцать лет младше. Она вносит в эту комнату – выглядящую *точно* так же – ребенка и я не сразу понимаю, что ребенок это я. Мой отец был слегка одержим созданием домашних видео, когда мы были маленькими, но я не думаю, что видела эту запись раньше. И я не уверена, хочет ли кто-либо из нас смотреть ее сейчас.

– А остальные Даркеры с нетерпением ждут встречи с тобой, – говорит бабушка. Она осторожно передает младенца моей матери, выглядящей намного моложе. Нэнси кажется усталой, но очень красивой, и ее запястье все еще обвито больничным ярлыком. Должно быть, в тот день они привезли меня в Сигласс из больницы. Я всегда знала, что родилась, когда мы были здесь. – Позвать Лили и Роуз? – звучит голос бабушки за кадром. – Они очень терпеливо ждали встречи с их новой сестричкой. – Камера будто кивает и я понимаю, что ее наверняка держал мой отец. Я хочу выключить видео, но Нэнси забирает у Лили пульт и садится на краешек ближайшего к телевизору дивана. Сначала я тронута – что она хочет вспомнить этот момент – но потом я вижу, что она смотрит на себя на экране, не на меня.

Изображение моего прошлого подрагивает, когда отец опускает камеру на стол, чтобы заснять и себя. Он подходит к моей матери и она опускает меня в старомодную кроватку, принимаясь меня качать. У отца длинные, немного взъерошенные волосы в стиле семидесятых, дополненные смешными усами и джинсами клеш. Другая деталь, заметно отличающаяся от знакомого мне сегодня мужчины это то, что он выглядит... счастливым. Как и мать.

Я зачарованно смотрю вместе с остальными как пятилетняя Роуз и четырехлетняя Лили входят в комнату, держа бабушку за руки. На них одинаковые желтые платья с красивым лимонным узором. Я и сама носила такое же платье несколько лет спустя, но когда оно уже поблекло после множества стирок. В детстве мне редко доставалась новая одежда, я всегда донашивала вещи Роуз и Лили. На экране волосы Роуз завязаны в высокий хвостик – почти такой же, как у нее сейчас – с неровной челкой, а у Лили они заплетены в косички, перевязанные желтыми ленточками. Моя мать часто одевала их как близняшек, их разница в возрасте всего десять месяцев, так что это неудивительно. Мои сестры по очереди заглядывают в кроватку и – в отличие от нынешнего времени – мы правда кажемся счастливой семьей.

– Это все очень мило. Но что мы будем делать с *ситуацией* на кухне? – спрашивает Конор, прерывая момент.

Мой отец смотрит на него, словно он забыл о его присутствии, а потом наливает себе стакан виски с тележки для напитков.

– А что *ты* предлагаешь нам делать с *ситуацией*? – интересуется он, а затем делает большой глоток.

– Вызвать полицию.

– Вот опять, – говорит Лили.

– Зачем нам вызывать полицию? Ей было восемьдесят лет, – говорит Нэнси.

– Потому что я не убежден, что она умерла естественной смертью. – Конор скрещивает руки на груди.

– Думаешь, один из нас ее прикончил? – смеется отец.

– Ты не мог бы не выдвигать таких ужасных предположений при Трикси? – говорит Лили, открывая пачку сигарет и закуривая. Я замечаю дрожь ее пальцев и задумываюсь, это от холода или потребности в никотине, или же что-то еще стало причиной этому. Трикси словно ничего не слышала, она все еще не отрывает взгляда от экрана. – К тому же стационарный телефон не работает, как и мой мобильный. До отлива еще несколько часов. Поэтому для звонков полиции, конореру или кому-либо еще нужно будет подождать.

– Я мог бы переправиться на лодке и позвать на помощь, – предлагает Конор.

– Нет, – говорит мой отец. – Это семейное дело, с ним нужно разбираться деликатно и без огласки.

– Возможно, Конор прав, – говорит Роуз и все поворачиваются к ней. – До отлива еще по меньшей мере пять часов. Нам нужно сообщить о произошедшем. Я могу отправиться с ним. Если ты не против, – добавляет она, поворачиваясь к нему.

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорит Фрэнк, разыгрывая карту заботливого отца, хотя я не знала, что она ему вообще досталась. Никто не спрашивает, почему.

– Тогда, может, я поплыву одна? – предлагает Роуз. – Покажется странным, если мы хотя бы не *попытаемся* позвать на помощь. У меня не должно это занять много времени. Если ты не против одолжить мне лодку, Конор.

Он согласно пожимает плечами. Мой отец кивает Роуз, дело улажено удивительно быстро... как будто они отрепетировали весь диалог.

– Почему именно *ты* поплывешь? – спрашивает Лили, делая еще одну затяжку.

– Потому что она почти не пила вечером – в отличие от нас – и Роуз всегда была самой здравомыслящей в семье, – отвечает отец за всех присутствующих, ни на секунду не задумавшись.

– Спасибо! – Лили закатывает глаза.

– Кроме того, ты вообще не умеешь грести, – добавляет Роуз, глядя на нашу надувшуюся сестру. – Я вернусь как можно скорее, – говорит она, прежде чем уйти.

– Она едва ли ела прошлым вечером, – подает голос моя мать, когда Роуз исчезает. – Кто-нибудь еще заметил, как сильно она исхудала? Она почти не говорила ни с кем весь вечер и она все время смотрит на часы...

– Полагаю, ей не терпится отсюда выбраться, – перебивает отец.

– Знакомое чувство, – говорит Нэнси, когда я сажусь рядом с ней на диван. Она все еще смотрит на телевизор, так и не оторвавшись от экрана за все это время, а я вижу, что моя семья из семидесятых пропала с экрана. Теперь там только я в своей кровати. Мой отец, должно быть, забыл выключить камеру.

– Нам нужно продолжать это смотреть? – спрашивает Лили, протягивая руку к пульту.

– Нет, подожди, – шепчу я, видя появившуюся на экране пятилетнюю Роуз.

Она оглядывается через плечо, потом подкрадывается ближе к колыбели. Мы все невольно подаемся поближе к телевизору, когда маленькая Роуз склоняется над ребенком, еще раз оглянувшись. Мы ловим каждое слово звучащей мило колыбельной, которую она начинает петь детским голоском.

Все, на что хватило фантазии:

*Тихо, малыши, не лей слезы ручьем,
Сейчас мы живы, но потом мы умрем.*

Она запускает руку в карман и достает что-то похожее на мышонка. Мышата рождаются розовыми и без шерсти. Слепыми, глухими и беззащитными. Существо пищит, когда Роуз зажимает его хвост пальцами и держит над кроваткой, а затем отпускает. Ребенок мгновенно – а я помню в нем себя – начинает плакать.

Моя сестра качает колыбель и улыбается, прежде чем поднести палец к губам: – *Тссс.* – Затем пятилетняя Роуз исчезает из кадра.

Мне кажется, что все смотрят на меня, но я не знаю, что сказать. Я только родилась, и не то чтобы я помню это происшествие или что-то, случившееся потом.

Запись резко обрывается, выезжая из проигрывателя, а на экране появляется белый шум. Мы переглядываемся и обмениваемся невысказанными мыслями об увиденном, но прежде, чем кто-либо успевает заговорить, из коридора доносится звук шагов. Дверь в гостиную распахивается и на пороге снова появляется тридцатичетырехлетняя Роуз, словно мы все только что стали свидетелями какого-то странного перемещения во времени. Она мокрая, растрепанная и злая, и мы все глазеем на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.